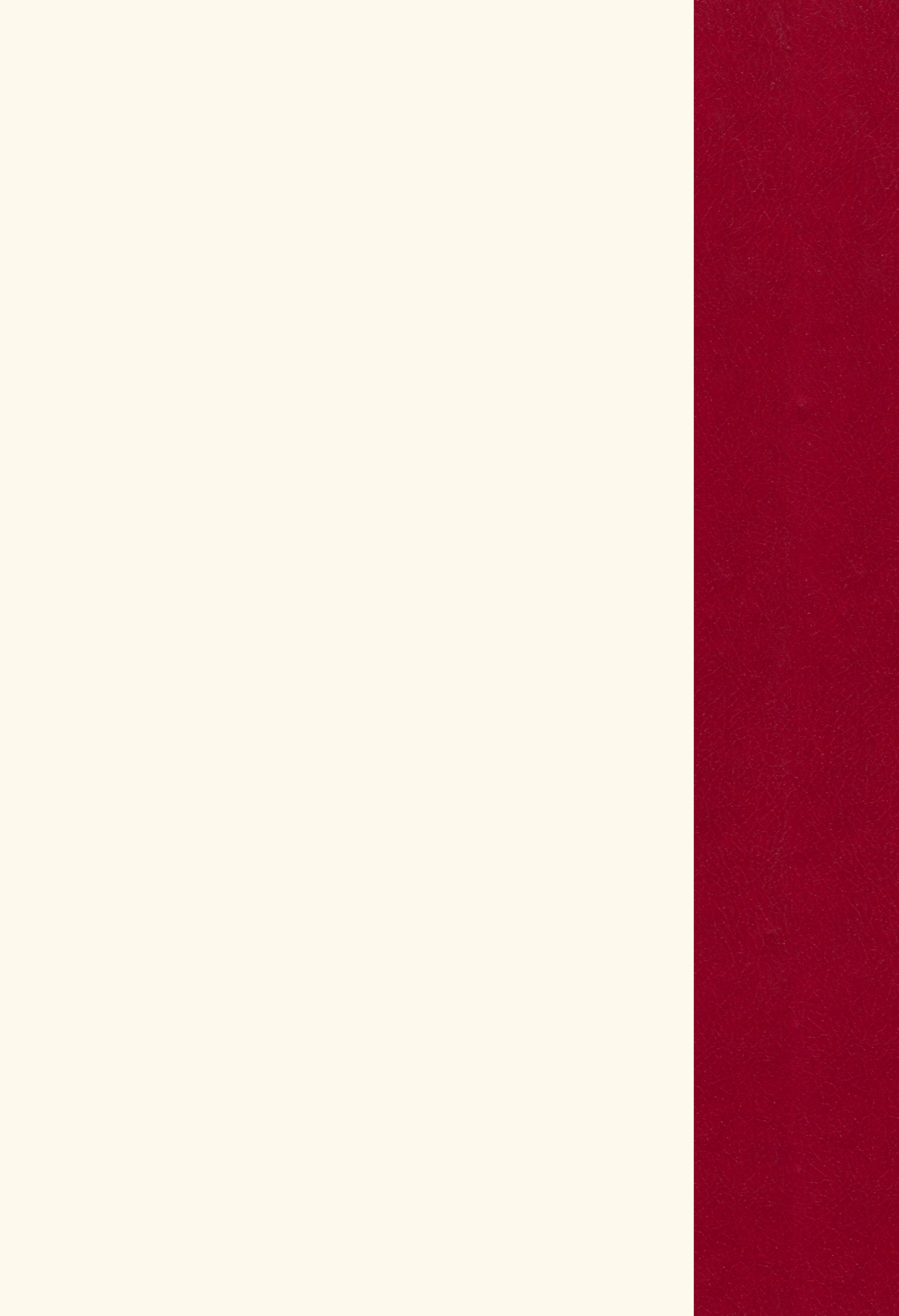
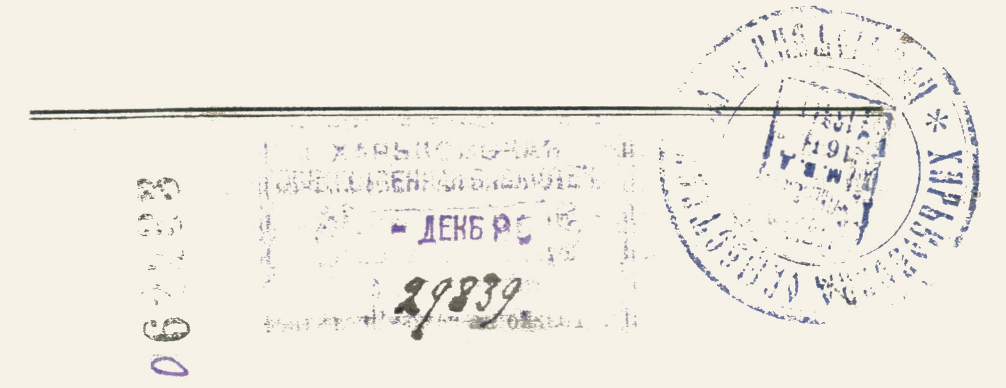
Лавровский, Н.

Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского ун-та.

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ И ОТКРЫТІЕ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

В. Н. Каразинъ, какъ бы ни судили о немъ, безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей начала нашего вѣка. Уже одна его близость къ императору Александру, доходившая до дружескихъ отношеній, особенно въ то время, когда мы переживали въ мѣсяцы больше, чѣмъ прежде въ цѣлые годы, одно участіе его въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія и университетовъ, и вообще въ начертаніи новой образовательной системы, достаточно объясняютъ значеніе его дѣятельности для того времени и способны возбудить къ ней живѣйшій интересъ. Можно указывать на недостатки его характера, на преобладаніе фантазіи надъ умомъ, чѣмъ легко объясняются всѣ его увлеченія и крайности, на недостатокъ практическаго, житейскаго такта, на его самонадѣянность, заносчивость неровность въ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, — вообще на недостатки, отъ которыхъ прежде всего и больше всего приходилось страдать ему самому; но при самомъ легкомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ его дѣятельностію, а также съ нѣкоторыми напечатанными его сочиненіями, невозможно отказать ему, съ одной стороны, въ искреннемъ, горячемъ, подъ часъ восторженномъ отношеніи къ каждой, занимавшей его, мысли и въ глубокомъ патріотическомъ чувствѣ, а съ другой—въ основательности и многосторонности его образованія, рѣдкихъ въ то время и дѣлавшихъ его вполнѣ достойнымъ того положенія, какое такъ внезапно выпало ему на долю въ самомъ началѣ новаго царствованія. Можно часто не соглашаться съ его мыслями, но нельзя не уважать ихъ искренности и тѣхъ побужденій, изъ которыхъ онѣ исходили, и нельзя не пожалѣть, что оффиціальная его дѣятельность прекратилась такъ быстро. При ближайшемъ и точнѣйшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною личностію, можно встрѣтиться и съ нѣкоторыми у..о-

неніями ея отъ прямыхъ путей—и это естественно: кто можетъ похвалиться безупречностію и безусловною чистотой своихъ дѣйствій?

Нельзя не пожалѣть, что богатые матеріалы для полной біографіи В. Н. Каразина, заключающіеся въ семи томахъ собственноручныхъ записокъ и копій съ его писемъ 1821—1840 годовъ, все еще остаются не изданными. Только въ самое послѣднее время начали они, по немногу, появляться изъ-подъ спуда. Обнародованіе нѣкоторыхъ писемъ и сочиненій Каразина въ *Русской Старинѣ* 1870 и 1871 гг. пролило уже немало свѣта на характеръ его дѣятельности и намъ остается только желать, чтобъ и всѣ остальные документы, необходимые для всесторонней оцѣнки столь почтенной личности, сдѣлались какъ можно скорѣе достояніемъ публики. Въ ожиданіи этого мы рѣшились сообщить нѣсколько свѣдѣній о той части дѣятельности Каразина, которая хотя имѣетъ мѣстное значеніе, но къ которой были обращены едва-ли не самыя живыя и горячія его симпатіи, и съ которою навсегда останется неразрывно связаннымъ его имя, а именно о его дѣятельности по учрежденію и первоначальному устройству Харьковскаго университета. Свѣдѣнія эти, въ наибольшей своей части, заимствованы нами изъ офиціальныхъ документовъ, хранящихся въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ, и сами отвѣчаютъ за свою точность. Мы позволимъ себѣ дѣлать выводы изъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти выводы прямо вытекаютъ изъ фактовъ, заключающихся въ означенныхъ офиціальныхъ документахъ.

Еще при Петрѣ, когда рѣшался вопросъ о водвореніи образованія въ Россіи, и когда дѣло коснулось университетовъ, Лейбницъ указывалъ на *Москву*, *Петербургъ*, *Астрахань и Кіевъ,* какъ на центры, которые, по его мнѣнію, заслуживали бы наибольшаго вниманія [1]. Въ указѣ императрицы Екатерины II коммиссіи объ учрежденіи училищъ, отъ 29-го января 1786 года, предписывавшемъ приступить къ составленію плана университетамъ и гимназіямъ, сказано: „На первое время достаточно имѣть три университета: *во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ*“ [2]). И этотъ планъ остался безъ осуществленія. Наконецъ, дѣло объ учрежденіи университетовъ, при Александрѣ, возложено было на коммиссію училищъ, учрежденную въ одинъ день съ министерствами (8-го сентября 1802 года). Члены этой коммиссіи [3])

---

[1]) *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, I, 41.

[2]) Тамъ же, 52.

[3]) Кн. Ад. Чарторижскій, гр. С. Потоцкій, генералъ-маіоры Клингеръ и

должны были раздѣлить между собою вѣдѣніе всѣхъ состоящихъ въ имперіи высшихъ и низшихъ училищъ по полосамъ или провинціямъ, и главною ихъ цѣлію было учрежденіе университетовъ [1]) Спустя четыре съ небольшимъ мѣсяца, эта коммиссія, по указу 24-го января 1803 года „объ устройствѣ училищъ", переименована была въ „главное училищъ правленіе", состоящее, по § 19-му того же указа, изъ попечителей университетовъ и ихъ округовъ съ другими членами, опредѣляемыми отъ государя императора. Каразинъ, состоявшій въ должности правителя дѣлъ сначала въ коммиссіи училищъ, а потомъ и въ главномъ правленіи училищъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ князю Чарторижскому и графу Потоцкому, имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для южнаго университета въ пользу Харькова. И дѣйствительно, Фуссъ и Озерецковскій, принявшіе на себя въ первомъ же засѣданіи главнаго училищъ правленія трудъ распредѣленія по городамъ вновь учреждаемыхъ университетовъ, съ подвѣдомственными имъ училищами въ прилежащихъ губерніяхъ, оба назначили для южнаго университета Харьковъ [2]). Несмотря на состоявшееся было рѣшеніе въ пользу Кіева, гдѣ „изстари учреждена академія", мнѣніе Фусса, подкрѣпленное Чарторижскимъ, взяло перевѣсъ и было утверждено указомъ 24-го января. Какое вліяніе въ главномъ правленіи училищъ имѣлъ правитель дѣлъ Каразинъ, видно изъ того, что при обсужденіи проекта общаго устава университетовъ, принято было за основаніе его „предначертаніе университетскаго устава", служившее началомъ имъ же составленнаго „предначертанія устава о общественномъ воспитаніи" [3]).

Выборъ незначительнаго тогда во всѣхъ отношеніяхъ Харькова для южнаго университета, помимо старѣйшаго и представлявшаго дѣйствительно важныя преимущества Кіева, объясняется еще болѣе, независимо отъ общаго вліянія Каразина на ходъ сужденій объ этомъ предметѣ въ главномъ правленіи училищъ, весьма значительными для того времени пожертвованіями, какія поспѣшилъ сдѣлать Харьковъ. Въ приведенномъ указѣ 24-го января прямо сказано, что универси-

---

Хитрово и академики Озерецковскій и Фуссъ. Правителемъ дѣлъ назначенъ Каразинъ.

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 4—5.

[2]) Фуссъ назначилъ для университетовъ слѣдующіе города: С.-Петербургъ, Москву, Харьковъ, Казань, Вильно и Дерптъ, а Озерецковскій—Москву, Дерптъ, Харьковъ, Воронежъ, Казань и Устюгъ Великій.

[3]) *Сухомлиновъ*, Матеріалы, I, 59—60.

тетъ учреждается въ Харьковѣ „во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи". Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и горожанъ Харьковской губерніи принадлежитъ тому же Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является на всѣхъ пунктахъ единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета; безъ него это назначеніе, конечно, никому и въ голову не пришло бы, даже Чарторижскому, Фуссу и Озерецковскому. Такимъ горячимъ участіемъ Каразинъ навсегда связалъ свое имя съ основаніемъ Харьковскаго университета. Признаніе за нимъ этой заслуги тогда было всеобщимъ, хотя въ большинствѣ едва-ли достаточно сознаннымъ; продолжалось оно и послѣ, но слабѣло постепенно, по мѣрѣ удаленія отъ событія, такъ что въ настоящее время едва-ли найдется много Харьковскихъ жителей, способныхъ отнестись вполнѣ сознательно къ имени лица, сдѣлавшаго для ихъ города весьма много.

Мысль объ основаніи именно въ Харьковѣ университета возникла въ Каразинѣ гораздо раньше его офиціальнаго и вліятельнаго положенія въ коммиссіи и главномъ правленіи училищъ. Дѣло было такъ. Сдѣлавшись довѣреннымъ лицемъ императора тотчасъ по вступленіи его на престолъ, и удостоенный его дружескихъ бесѣдъ и собственноручныхъ частныхъ писемъ, по случаю поданной имъ записки съ изображеніемъ надеждъ Русскаго на юнаго царя, онъ еще въ этихъ бесѣдахъ, обращая вниманіе императора на необходимость новыхъ, усиленныхъ мѣръ въ пользу народнаго образованія, говорилъ и объ основаніи университетовъ и для университета въ южной Россіи указывалъ на Харьковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ записка его сына [2]), а еще точнѣе собственноручное его письмо къ одному духовному лицу въ Харьковѣ [2]), отъ 2-го мая 1802 года, хранящееся въ универси-

[1]) «Любимая его Малороссія пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища». Украинская старина, 107.

[2]) Лице это, по мнѣнію В. М. Черняева,—Харьковскій священникъ Фотіевъ. Мы можемъ сообщить о немъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ отчетѣ проф. Тимковскаго объ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ въ октябрѣ 1803 года сказано: «Фотіевъ изъ священническихъ дѣтей, 47 лѣтъ, женатъ и имѣетъ дѣтей, жалованья получаетъ 250 руб., обучался въ Харьковской семинаріи съ 1769 по 1784 годъ, учителемъ состоитъ съ 1796 года; преподаетъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ логику по Баумейстеру, законъ Божій по православному ученію Платона, риторику по Рижскому. Онъ не учился иностраннымъ языкамъ, кои большимъ были

тетской библіотекѣ. „Бывъ удостоенъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ [1]), бесѣды добраго государя“, пишетъ онъ, „осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы назваться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ, и я принялся было за начертаніе плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меня. *Я сто разъ собирался писать къ вамъ,* но ожидалъ свѣдѣній о новыхъ кадетскихъ корпусахъ, которыя мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ. Теперь случай этотъ насталъ“,—то-есть, назначеніе Каразина правителемъ дѣлъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія устава двухъ академій и Московскаго университета, о чемъ и говорится дальше въ письмѣ. Сказавъ объ открытіи проекта 1786 года объ учрежденіи въ Россіи трехъ университетовъ, Каразинъ продолжаетъ: *„Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать“*. Отсюда ясно видно, что до это времени Харьковское дворянство ничего не знало объ идеѣ Каразина и о первоначальномъ ея осуществленіи и вовсе и никакъ не высказывалось объ учрежденіи университета въ Харьковѣ; Каразинъ самъ ждетъ еще согласія отъ него [2]). Изъ того же письма, напротивъ, видно, что въ

бы ему пособіемъ въ преподаваніи стиля и основаній философіи, и латинскій языкъ давно оставилъ. Харьковская семинарія не могла снабдить его философскимъ искусствомъ. Но онъ остръ въ понятіяхъ, любитъ свою должность, охотно упражняется для нея, и педагогическія его способности изъ того видны, что его ученики, которыхъ часть и живетъ у него, судятъ порядочно, сочиняютъ съ успѣхомъ и въ поведеніи образованы». О пансіонѣ Фотіева Тимковскій замѣчаетъ: «Пансіонъ его лучшій и самый дорогой; съ иныхъ онъ беретъ по 300 и 350 рублей, а съ нѣкоторыхъ и гораздо меньше. Онъ имѣетъ для пансіонеровъ смотрителя иностранца и платитъ танцмейстеру за уроки имъ въ декламаціи на французскомъ языкѣ и танцованье». (Архивъ Харьк. универс., карт. 3. № 41).

[1]) Эта поѣздка на родину послѣдовала, безъ сомнѣнія, весной 1801 г., когда онъ, 7-го мая, избранъ былъ депутатомъ отъ Слободско-Украинскаго дворянства для испрошенія подтвержденія привилегій Слободско-Украинской губерніи. Что отъ этого возвращенія въ Петербургъ до 2-го мая 1802 года (когда писано это письмо) должно было пройдти довольно времени, видно изъ того, что письмо начинается извиненіемъ въ долгомъ молчаніи, и изъ указанія, что онъ сто разъ собирался писать.

[2]) «Если увижу», сказано въ заключеніи письма,—«что дворянство уполномочитъ меня сдѣлать формальное представленіе монарху, постараюсь, чтобъ онъ

Харьковѣ въ то время шла рѣчь объ устройствѣ въ немъ кадетскаго корпуса, даже производился сборъ пожертвованій для этой цѣли. Каразинъ проситъ сообщить ему: на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій корпусъ, сдѣлано ли о томъ представленіе, куда слѣдуетъ, что получено въ отвѣтъ, какой составленъ планъ, какую предположено собрать сумму, и сколько ея собрано. Самое письмо къ отцу Василію, вмѣстѣ съ отправленіемъ пріятеля, Моисея Григорьевича Ушинскаго, *съ важнымъ порученіемъ*, имѣло единственную цѣль— принятіе мѣръ къ расположенію Харьковскаго дворянства въ пользу идеи объ университетѣ. Въ слѣдъ за этимъ письмомъ онъ отправляетъ письмо къ Василію Михайловичу (Донецъ-Захаржевскому) и Григорію Романовичу (безъ сомнѣнія, Шидловскому) съ тою же цѣлію. Каразинъ сильно разчитывалъ на способности и вліяніе отца Василія. „Признаюсь охотно“, пишетъ онъ, „что на васъ у меня величайшая надежда; не представляю вамъ далѣе никакихъ побужденій, вы—другъ добра, и о добрѣ идетъ дѣло... Вы далѣе моего все сіе видите и можете другимъ представить съ тою убѣдительностію, которая вамъ свойственна... Обнимите патріотическимъ вашимъ духомъ все, что̀ я пропустилъ въ семъ бѣгломъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца“. Извѣщая о какихъ-то мысляхъ отца Василія, сообщенныхъ имъ государю, Каразинъ, въ заключеніе, указываетъ ему въ отдаленіи на блестящую будущность: „Лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ вами въ связи“.

Если Харьковскому дворянству до сихъ поръ ничего не было извѣстно объ основаніи университета въ Харьковѣ, то разумѣется, не могло быть и рѣчи о пожертвованіяхъ. Въ письмѣ къ отцу Василію Каразинъ касается этого дѣла слегка и весьма осторожно. „Издержекъ—была бъ на самое дѣло благая воля—бояться нечего. Онѣ будутъ весьма не примѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячъ рублей, то-есть, по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами, я говорю: *положивъ* собрать, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ взносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе

(то-есть, планъ) былъ высочайше конфирмованъ, и пріѣду для личныхъ и мѣстныхъ распоряженій въ теченіе настоящаго же лѣта».

будетъ весьма легко. На предварительныя жь издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70 тысячь рублей, а можетъ-быть, и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается".

Но всѣ эти мѣры, принятыя изъ Петербурга для расположенія дворянства въ пользу основанія университета въ Харьковѣ и для возбужденія его къ пожертвованіямъ, всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, при всемъ ихъ вліяніи, усердіи и ловкости, естественно не могли привести къ искомой цѣли, особенно съ тою быстротой, какая, очевидно, требовалась въ настоящемъ случаѣ. Для возбужденія къ такому предпріятію, мысль о которомъ вышла отъ одного, и слѣдовательно, никого и ни къ чему не обязывала, а еще болѣе—для возбужденія къ соотвѣтственнымъ этому предпріятію матеріальнымъ пожертованіямъ, необходимы были чрезвычайныя мѣры, и прежде всего, воодушевленіе въ его пользу, отъ котораго одного можно было ожидать успѣха. Отдѣльныя и частныя изъявленія согласія, если о нихъ и сообщалось въ Петербургъ, еще не давали полномочія дѣйствовать офиціально отъ имени цѣлаго сословія. Какъ бы то ни было, появленіе самого Каразина среди дворянства было необходимо, и онъ, дѣйствительно, явился въ Харьковъ лѣтомъ 1802 года [1]).

Явившись на родину, онъ тотчасъ воспользовался для задуманной цѣли собраніемъ всѣхъ дворянъ въ Харьковѣ по случаю принятія высочайшей грамоты, пожалованной въ подтвержденіе правъ и привилегій Слободско-Украинской губерніи, когда дворянство было патріотически настроено и обнаруживало общую готовность къ пожертвованіямъ. Въ первомъ же собраніи онъ прочиталъ *предначертаніе университета*, которое и было принято всѣми благосклонно. Предпочтеніе Харькова всѣмъ остальнымъ городамъ южной Россіи для основанія университета и разнообразныя выгоды, которыхъ должно было ожидать отъ того, были на столько сильными побужденіями, что могли устранить всякое колебаніе. Но для Каразина предстоялъ еще едва-ли не важнѣйшій трудъ — матеріально обезпечить осуществленіе этого

---

[1]) Изъ письма къ о. Василію можно видѣть, что онъ самъ обѣщалъ пріѣхать лѣтомъ въ Харьковъ, но уже послѣ состоявшейся конфирмаціи плана университета и для личныхъ и мѣстныхъ распоряженій. Это обѣщаніе показываетъ только, на какую быстроту разчитывалъ въ настоящемъ случаѣ Каразинъ. Ему, дѣйствительно, пришлось лѣтомъ пріѣхать въ Харьковъ, но только для начала, а не для конца дѣла.

учрежденія, значительными пожертвованіями окончательно склонить вѣсы при имѣющемъ послѣдовать выборѣ города для университета въ пользу Харькова, опередивъ тѣмъ всѣ другіе города южной Россіи. Трудъ этотъ увеличивался для него еще тѣмъ, что онъ, какъ намъ кажется несомнѣннымъ, предварилъ государя объ этихъ пожертвованіяхъ, позволилъ себѣ, такъ-сказать, заручиться предъ нимъ въ готовности дворянства къ значительнымъ пожертвованіямъ. Доказательствомъ служатъ его слова и дѣйствія въ слѣдовавшемъ затѣмъ собраніи. Это было торжественное собраніе 11-го августа 1802 года, весьма знаменательное въ существованіи Харьковскаго университета, какъ исходная точка его исторіи. Въ одушевленной рѣчи, произнесенной Каразинымъ въ этомъ собраніи, онъ, между прочимъ, сказалъ: „*Государь ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ ему, обѣтовъ... Простите дерзновеніе мое! Самыя сіи мысли* (о выгодахъ для Харькова отъ университета) *обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ монархомъ!* Исполнители его велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украйну средоточіемъ просвѣщенія... Высокопочтенное собраніе, неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей?... Представлю ли вамъ, что не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ, при вступленіи нашемъ въ общество?... *Отъ васъ зависитъ теперь—оправдать меня, или предать стыду или отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами, въ лицѣ вашего друга или преступника!*" Всѣ эти выраженія, по нашему мнѣнію, не допускаютъ никакого сомнѣнія въ образѣ дѣйствій Каразина. То же подтверждаетъ и приведенное біографомъ его мѣсто изъ записокъ его сына: „*Чего стоило ему собрать деньги отъ людей, большая часть которыхъ коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія!* За то надо было видѣть, какъ онъ принялся за это дѣло, какъ воспользовался даромъ своимъ говорить и убѣждать людей! Надобно было слышать произнесенную имъ рѣчь въ дворянскомъ собраніи! Двадцать пять лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ-то объ этой рѣчи при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ.... *Просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства, все было имъ употреблено*" [1]).

---

[1]) Украинская старина, 124 — 125.

Понятно, что если бы до отъѣзда изъ Петербурга въ Харьковъ Каразинъ имѣлъ въ рукахъ выраженное всѣмъ дворянствомъ согласіе на открытіе университета въ Харьковѣ и на соотвѣтствующія тому пожертвованія и представилъ о томъ императору, если бы ему оставалось только объявить устами императора, *что подвигъ, предпринимаемый Харьковскимъ обществомъ, пріятенъ ему*, какъ онъ выразился въ рѣчи 11-го августа,—то ему, очевидно, не было никакой надобности просить прощенія предъ дворянствомъ въ изображеніи выгодъ для Харькова отъ университета, предавать себя всему дворянству на оправданіе или осужденіе, какъ *друга или преступника*, прибѣгать къ просьбамъ на колѣняхъ, мольбамъ со слезами и обѣщаніямъ разныхъ наградъ у правительства. Упомянутый поступокъ вполнѣ согласуется съ характеромъ Каразина, и едва-ли кому прійдетъ въ голову въ настоящее время обвинять его уже потому, что, въ случаѣ неудачи, онъ принималъ всю отвѣтственность предъ государемъ на себя одного. Имъ руководило страстное одушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не было бъ и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно и означено въ высочайшемъ указѣ 24-го января „объ устройствѣ училищъ".

Есть много правды въ приведенныхъ словахъ записки сына Каразина о затрудненіяхъ собирать деньги съ людей, „бо́льшая часть которыхъ еще коснѣла въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія". Указаній на эти затрудненія, съ которыми приходилось бороться первымъ университетскимъ властямъ, сохранилось довольно въ офиціальныхъ документахъ архива Харьковскаго университета. Они встрѣчаются и въ извѣстномъ протоколѣ дворянства отъ 21-го апрѣля 1803 года, собравшагося для выслушанія высочайшаго рескрипта отъ 31-го января. Въ пунктѣ 5-мъ этого протокола сказано: „Удаленіе большей части господъ дворянъ отъ собраній подаетъ поводъ къ разновидному толкованію положеній, сдѣланныхъ дворянами, бывшими на лицо въ собраніяхъ, иногда же и къ совершенному отрицанію ихъ исполнять, не взирая, что отъ воли каждаго всегда зависитъ пріѣхать или на бумагѣ сообщить свое мнѣніе заблаговременно. Если не взять мѣръ въ отвращеніе такихъ разногла-

сій и холодности къ общему дѣлу, то и свобода, августѣйшими монархами предоставленная, и честь, которую оно снискать можетъ благоразумнымъ ея употребленіемъ, нечувствительно удалятся изъ виду и останутся въ однихъ словахъ". Протоколъ далѣе объясняетъ обязательность состоявшихся рѣшеній и даже рѣшилъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ для побужденія дворянъ къ точному исполненію ихъ обязанностей.

Еще одинъ примѣръ. Изюмскій предводитель дворянства Капустянскій рѣшительно отказывался за дворянство своего уѣзда отъ уплаты денегъ въ пользу университета по сдѣланному разчисленію, при чемъ разсѣевались, безъ сомнѣнія, *бѣгавшими отъ одного имени просвѣщенія*, какіе-то неблагопріятные для университета слухи, такъ что ректоръ просилъ попечителя пріѣхать въ Харьковъ. Дѣло объ Изюмскомъ дворянствѣ дошло до государя по донесенію министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея. Попечитель Потоцкій прислалъ ректору слѣдующій отвѣтъ отъ 8-го декабря 1804 года за № 30: „Отказъ государя императора Изюмскому предводителю Капустянскому, помѣщенный въ газетахъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ дворянству; отказъ сей, изъявляющій высочайшую волю, лучше, надѣюсь я, произведетъ дѣйствіе для пресѣченія сихъ слуховъ, нежели пріѣздъ мой въ Харьковъ". Объ этомъ противодѣйствіи Изюмскаго предводителя Капустянскаго, съ которымъ согласно дѣйствовалъ и Валковскій предводитель, Поклонскій, писалъ еще 12-го апрѣля 1804 года губернскій предводитель дворянства Донецъ-Захаржевскій попечителю Потоцкому и просилъ у него совѣта, „потому что въ столь нѣжномъ обстоятельствѣ онъ не смѣлъ утруждать начальство новымъ офиціальнымъ представленіемъ, такъ какъ оное болѣе или менѣе на счетъ всего почтеннаго нашего корпуса отнестись можетъ". Оба предводителя, особенно Капустянскій, какъ оказывается, употребляли всѣ способы затруднять взносъ пожертвованій. „Непристойности сего послѣдняго", сказано въ письмѣ, „частію дошли уже до свѣдѣнія высшаго правительства". Впрочемъ, изъ того же письма видно, что вообще дворяне обоихъ уѣздовъ единодушны съ дворянами прочихъ уѣздовъ и давно желаютъ взнести слѣдующую отъ нихъ сумму. Губернаторъ Бахтинъ, вслѣдствіе отношенія къ нему Потоцкаго, требовалъ объясненія отъ Капустянскаго и Поклонскаго. Въ университетскомъ архивѣ сохранились ихъ объясненія (отъ 25-го и 28-го іюня 1804 г.), въ которыхъ они не только отказываются отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, называя ихъ клеветою, но и требуютъ суда надъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Впрочемъ, изъ отношенія Бахтина къ Потоцкому отъ 8-го августа оказывается, что за затрудненія во взносѣ денегъ они еще предшественникомъ Бахтина преданы уголовному суду, и что всѣ словесныя убѣжденія Капустянскаго самимъ Бахтинымъ, при объѣздѣ губерніи, оказались тщетными. Препровождая при этомъ отношеніи рапорты обоихъ предводителей дворянства, губернаторъ замѣчаетъ: „Изъ нихъ, ваше сіятельство, я надѣюсь, усмотрѣть изволите и сами, что они стараются только прикрыть благовидными причинами нехотѣніе свое способствовать пользѣ университета",—и опровергаетъ офиціальными документами ихъ оправданія. Впрочемъ, и послѣ были затрудненія въ сборѣ денегъ. О нихъ увѣдомляетъ Потоцкаго Рижскій, письмомъ отъ 15-го октября 1805 года, указывая преимущественно на великопомѣстныхъ владѣльцевъ и отсутствующихъ. Дѣло опять доходило до министра внутреннихъ дѣлъ (письмо Завадовскаго Потоцкому отъ 28-го мая 1806 г.), который, въ отношеніи къ Завадовскому, указываетъ особенно на какихъ-то двоихъ помѣщиковъ (отъ 10-го мая 1806 г.). Замѣчательно, что тогдашній Харьковскій губернаторъ Артаковъ также былъ не въ пользу университета, и безъ сомнѣнія, имѣлъ сильное вліяніе на дворянъ и гражданъ въ этомъ отношеніи. Г. Р. Шидловскій, 14-го декабря 1806 года, пишетъ Потоцкому: „Скажу въ откровенности, что и при начальномъ постановленіи въ обществѣ нашемъ для университета были бы лучшіе успѣхи, по крайности всѣ бы были отвращены непріятности, если бы не вмѣшались, *съ одной стороны, скорость, а съ другой—худое расположеніе бывшаго здѣсь губернатора Артакова*". Городской голова Урюпинъ, въ письмѣ Каразину отъ 10-го ноября 1803 г., говоря о замедленіи въ сборѣ суммы въ пользу университета, замѣчаетъ, что она давно была бы собрана, *„если бы притязанія здѣшняго архонта въ томъ не дѣлали намъ препоны"*. Этотъ архонтъ, Андрей Кондратьевичъ Артаковъ, уже въ началѣ 1804 года, былъ замѣненъ Бахтинымъ, всегда относившимся сочувственно къ университету. Наконецъ, 17-го декабря 1809 года, послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе на имя губернатора Бахтина: „Разсмотрѣвъ представленіе ваше къ министру внутреннихъ дѣлъ о невзносѣ многими помѣщиками Слободско-Украинской губерніи, за учиненною даже разсрочкою, суммы, которую они въ 1803 году добровольно пожертвовали на Харьковскій университетъ, я въ разсужденіи онаго повелѣваю: 1) имѣнія тѣхъ изъ нихъ, кои по раскладкѣ, дворянскими предводителями сдѣланной, не внесли доселѣ слѣдующихъ съ нихъ на сей предметъ по разсрочкѣ денегъ, взять

въ опеку; 2) изъ числа доходовъ, съ оныхъ получаемыхъ, обращать въ уплату сего долга столько, сколько по раскладкѣ въ теченіе шести лѣтъ причитаться будетъ; 3) если кто изъ помѣщиковъ, до истеченія сего срока, заплатитъ всю сумму, какую онъ добровольно обѣщалъ внести на содержаніе университета, таковое имѣніе исключать немедленно изъ вѣдомства опеки".

Какъ бы то ни было, послѣдствіемъ достопамятнаго для Харьковскаго университета собранія 11-го августа были два протокола 1-го сентября 1802 года Харьковскихъ дворянъ, купцовъ и горожанъ, которые мы приводимъ здѣсь вполнѣ, тѣмъ болѣе, что въ первомъ изъ нихъ, дворянскомъ, заключается и первоначальный планъ университета, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился въ составленномъ Каразинымъ „предначертаніи", какъ и замѣчено въ этомъ же протоколѣ [1]).

Протоколъ дворянства. „Слободско-Украинское дворянство, исполненное чувства вѣрноподданнической благодарности къ его императорскому величеству, увѣрено бывъ, что оно ничѣмъ достойнѣе и торжественнѣе изъявить оную не можетъ, какъ ревнуя содѣйствовать мудрому и человѣколюбивому Его промыслу о народѣ своемъ, подобному промыслу Всевышняго, дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди изобилія природнаго, на представляемыя имъ удобности къ заведеніямъ разнаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, опредѣлено увѣковѣчить неоцѣнимыя къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ. Сей университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ девять отдѣленій, какъ-то: отдѣленіе общихъ познаній, которое есть пріуготовительное къ прочимъ, и соединенное съ нимъ отдѣленіе богословское, отдѣленіе гражданскихъ познаній, разумѣя въ томъ числѣ экономію и коммерцію, отдѣленіе военныхъ познаній, отдѣленіе врачебныхъ познаній, отдѣленіе гражданскихъ искусствъ, отдѣленіе высшихъ наукъ и отдѣленіе изящныхъ художествъ. Такимъ образомъ всѣ роды познаній соединены быть имѣютъ въ семъ высшемъ училищѣ, и слѣдовательно, будетъ оно готовить людей ко всѣмъ родамъ государственнаго и общественнаго служенія. Оно должно имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ и двѣ школы для людей нижнихъ со-

[1]) Оба эти протокола и въ Молодикѣ 1844 года, и въ Украинской старинѣ напечатаны невполнѣ и несовсѣмъ точно.

стояній, именно же: школу сельскаго домоводства и школу ремеслъ и рукодѣлій. Какъ расположеніе сихъ школъ, такъ и вообще образованіе плана къ университету, сходственно предначертанію, представленному 29-го августа въ сіе собраніе, ввѣрено будетъ коммиссіи университета, которая составится немедленно, по избранію дворянства на первый случай изъ трехъ чиновъ. Для положенія основанія сему заведенію и въ обезпечиваніе его содержанія на всегда, Слободско-Украинское дворянство полагаетъ взнести съ дворянскихъ имѣній сей губерніи *четыреста тысячъ рублей*, разумѣя въ семъ числѣ опредѣленную уже ко взносу и частію собранную сумму — сто тысячъ рублей, расположивъ остальную—триста тысячъ рублей, въ числѣ коихъ нижеозначенные 66.910 рублей должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ, на шесть лѣтъ. Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня. Но симъ не ограничатъ ревность свою къ пользѣ общей, коль скоро благоволеніе монарха осчастливитъ начало сего ихъ заведенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, поелику обширность университета несовмѣстна съ возможностію одной губерніи, и польза, отъ него происходящая, разлиться должна на всѣ ей сосѣдственныя и сопредѣльныя, между прочимъ и потому, что университетское ученіе будетъ довершать воспитаніе юношей, выходящихъ изъ губернскихъ училищъ, то Слободское Украинское дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію назначеннаго имъ капитала губерніи Курскую, Орловскую, Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую. Оно полагаетъ пригласить къ сему жь и гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украйнѣ, испросивъ на все сіе позволеніе всемилостивѣйшаго государя императора. На сей конецъ поручаетъ оно депутату своему коллежскому совѣтнику В. Н. Каразину, въ сходство настоящаго положенія, отъ имени дворянъ сдѣлать всеподданнѣйшее представленіе, въ которомъ съ благоговѣніемъ принести отъ лица дворянства прошеніе и о слѣдующихъ предметахъ: 1) Въ 1789 году, во время Турецкой войны, по предложенію покойнаго генералъ - фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, здѣшнему дворянству за поставленныя къ арміи воловыя фуры и лошадей слѣдовало получить изъ казны 66.910 рублей, но оные, по многимъ представленіямъ, куда надлежало, понынѣ не получены. Не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству, всемилостивѣйше повелѣвъ выдать сію сумму, обратить ее въ число четырехъ-сотъ-тысячной суммы на первоначальное основаніе и устройство Харьковскаго университета? 2) Какъ

всѣ причины заставляютъ не отлагать начала сего заведенія, а между тѣмъ не можетъ оно вскорѣ имѣть необходимыхъ для своего помѣщенія зданій, то не благоволитъ ли государь императоръ позволить занять онымъ не достроенный домъ въ Харьковѣ, назначенный для присутственныхъ мѣстъ? 3) Внутри границъ Слободско-Украинской губерніи есть многія земли, не пользующіяся правомъ, предоставленнымъ прочимъ силою высочайшей грамоты 29-го декабря 1801 года. Владѣльцы сихъ земель повергаютъ къ стопамъ его императорскаго величества готовность ежегодно взносить въ казну откупную сумму, причитающуюся съ ихъ помѣстій, дерзая умолять, чтобъ и они раздѣлили монаршую милость, въ грамотѣ на Слободскую Украйну излитую. 4) Какъ въ числѣ назначаемой нынѣ суммы разумѣется та, которая собирается уже по первому положенію, сдѣланному ноября 11-го 1801 года на военное училище, то не благоволитъ ли покровитель просвѣщенія во всѣхъ его частяхъ, августѣйшій государь, и сумму, всемилостивѣйше опредѣленную на таковое въ Харьковѣ училище, соединить въ пользу университета? Такова есть нераздѣльная воля благороднаго общества сей губерніи. Но дворянамъ, желающимъ въ большей мѣрѣ содѣйствовать къ приращенію назначаемой нынѣ суммы, предоставляется право изъявить согласіе и избрать къ тому средства, въ полной увѣренности, что они таковымъ подвигомъ сдѣлаютъ предъ лицемъ всемилостивѣйшаго государя честь сословію, коего они члены". Подписались: губернскій предводитель дворянства Василій Донецъ-Захаржевскій, 8 уѣздныхъ предводителей, 81 дворянинъ и *прочіе.* 4-го сентября 1802 г. В. Н. Каразину выдана копія съ этого протокола для принесенія всеподданнѣйшаго прошенія и ходатайствованія, гдѣ слѣдовать будетъ, отъ имени всего дворянства по точному содержанію сего приговора.

Протоколъ Харьковскаго купечества. „Мы нижеподписавшіеся Харьковскіе купцы и граждане, бывъ въ городской думѣ въ собраніи, слушали полученное отъ господина здѣшняго губернскаго предводителя дворянства отношеніе 27-го числа минувшаго августа, коимъ приглашаетъ онъ насъ участвовать въ составленіи суммы для предполагаемаго здѣсь университета, на основаніе котораго уже и высочайшее соизволеніе воспослѣдовало. Видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе всему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ

съ своей стороны обязанностію соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданнической благодарности всемилостивѣйшему государю, единодушно по силамъ своимъ опредѣляетъ: 1) Взносить въ пользу университета въ продолженіи десяти лѣтъ, наначиная отъ сего числа, сумму, равную государственной подати, платимой ими съ капиталовъ, то-есть, по одному проценту съ четвертью ежегодно. 2) Симъ не ограничиваетъ себя гражданство Харьковское; но въ продолженіи времени, по мѣрѣ какъ благосостояніе города умножаться будетъ, можетъ оно увеличить нынѣшнее положеніе или прибавить число лѣтъ. А сверхъ того, достаточнѣйшіе изъ купцовъ, конечно, будутъ готовы на частные взносы, зависящіе отъ произволенія каждаго. 3) Какъ откупная винная въ пользу городовъ, по указу 1783 года мая 3-го дня, пожалованная сумма представляетъ за всѣми городскими потребностями нѣкоторые остатки, то гражданство полагаетъ просить его императорское величество о всемилостивѣйшемъ соизволеніи на то, чтобы половина сей откупной суммы на все послѣдующее отъ нынѣ время предоставлена была въ пользу университета же; для того и уполномочиваетъ оно депутата, избраннаго дворянствомъ, г. коллежскаго совѣтника В. Н. Каразина, всеподданнѣйше предложить о семъ августѣйшему государю Императору. 4) Равнымъ образомъ, ежели волѣ его императорскаго величества угодно будетъ, то и накопившаяся отъ 1783 года понынѣ таковая жь сумма, состоящая отчасти въ наличности, отчасти розданная заимообразно, да предоставится въ пользу университета вся безъ исключенія, сколько оной послѣ законныхъ расходовъ отыскаться можетъ. 5) Поелику благодѣтельное движеніе въ промыслахъ и торговлѣ, ожидаемое отъ сего общеполезнаго заведенія, не умедлитъ восчувствовать повсемѣстно вся сія губернія, то полагаетъ всепокорнѣйше просить его превосходительство г. гражданскаго губернатора о извѣщеніи уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ сей губерніи о сихъ положеніяхъ здѣшняго гражданства и о снисходительномъ приглашеніи ихъ со стороны его превосходительства къ таковому же вѣрноподданническому и патріотическому содѣйствію на пользу общую, въ которомъ конечно ни одинъ благонамѣренный гражданинъ отказать не можетъ, тѣмъ паче, что предвидимыя и несумнительныя выгоды вознаградятъ малое сіе пожертвованіе сторицею. При семъ случаѣ здѣшнее общество гражданъ полагаетъ всеподданнѣйше представить, чрезъ кого слѣдуетъ, всемилостивѣйшему государю, что по неимуществу большой части здѣшнихъ городскихъ жителей и ску-

дости жилищъ ихъ, постоянное прибываніе воинскихъ командъ и прочіе постои для нихъ крайне отяготительны, какъ о семъ отъ городскаго главы октября 7-го 1801 года, во время высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, уже прошеніе подано; особливо несовмѣстны будутъ постои тогда, какъ прежде нежели устроятся дома, должно будетъ помѣщать великое число студентовъ и другихъ ученыхъ чиновниковъ, которые всеконечно наполнятъ сей городъ, какъ скоро университетъ откроется. По сей причинѣ не благоволитъ ли всемилостивѣйшій монархъ изъ особеннаго милосердія своего, изъ уваженія къ сооружаемому по благодѣтельной волѣ его великому сему училищу и къ скудости и малонаселенности города, увольнить оный отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно. А все сіе возлагаемъ на нашего городскаго главу егора Урюпина отнесть упоминаемому здѣсь, дворянствомъ избранному депутату, г. коллежскому совѣтнику В. Н. Каразину, которому мы вѣримъ поднесть всемилостивѣйшему монарху сіе представленіе, съ тѣмъ, что̀ онъ по сему учинитъ, впредь спорить и прекословить не будемъ, въ чемъ и подписуемся. Подлинное положеніе подписали Харьковскіе граждане и купцы. Гласный Прокофій Неретинъ" [1]). Избранный депутатомъ Каразинъ представилъ Государю эти положенія при слѣдующемъ обращеніи: „Августѣйшій монархъ! Усердное желаніе видѣть счастливымъ народъ свой ничѣмъ столько не доказывается, какъ твоими о общественномъ воспитаніи попеченіями. Ревнуя онымъ споспѣшествовать, Слободская Украинская губернія, преклоня колѣна предъ своимъ благотворителемъ, слагаетъ у ногъ его жертву государству. Дворянство ея представляетъ не избытки, излишними налогами отъ подвластныхъ себѣ исторгнутые, но свято принадлежащую ему собственность, произведеніе своихъ имѣній. Купечество и граж-

---

[1]) Замѣчательно, что этотъ протоколъ отъ 1-го сентября переданъ головѣ Урюпину думой только 4-го октября и послѣднимъ представленъ 6-го октября (см. письмо головы къ Каразину, карт. 1, № 1). Замѣчательно также сохранившееся въ архивѣ университета слѣдующее свидѣтельство отъ 29-го августа 1802 года: «Вслѣдствіе прочтеннаго нынѣшній день въ благородномъ собраніи предначертанія о Харьковскомъ университетѣ, на взносъ въ число капитала, опредѣляемаго на содержаніе отъ процентовъ его университета, съ дворянскихъ имѣній Слободской Украинской губерніи *одного милліона рублей* способомъ, установленнымъ въ учрежденіи двадцати-лѣтняго банка, согласны: генералъ-лейтенантъ Неклюдовъ, маіоръ Александръ Голицынъ, предводитель дворянства Алексѣй Алферовъ и др.» При семъ приложенъ и разчетъ погашенія долга: съ 50 душъ ежегодно 20 руб., обезпеченіе 4 души, со 100—40—7, 1.000—400—67 душъ.

дане, удвояя дань, платимую ими на ряду съ прочими ихъ званія, половину общихъ доходовъ своихъ, безпредѣльно предоставленныхъ имъ узаконеніями мудрыхъ твоихъ предшественниковъ, уступаютъ въ пользу просвѣщенія, если оно угодно будетъ высочайшей волѣ твоей. всемилостивѣйшій государь! Удостой вниманія твоего сіи безкорыстныя приношенія твоихъ вѣрноподданныхъ. Простри щедрую твою десницу въ помощь имъ. Повели сообразить мысли ихъ о предполагаемомъ университетѣ съ общимъ планомъ подобныхъ заведеній и рѣшить участь воспитанія въ полуденной Россіи!" (октября 28-го дня 1802 г.). Положенія эти были переданы министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому, для сношенія съ министромъ финансовъ „въ разсужденіи пособій, каковыя испрашиваются симъ предначертаніемъ со стороны казенной" (12-го ноября 1802 отъ Муравьева Завадовскому). На просьбу Харьковскихъ горожанъ объ освобожденіи отъ постоя, министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ 13-го декабря 1803 года, отвѣтилъ, что „положительнаго исключенія отъ постоя дать невозможно", а будутъ со стороны правительства приняты мѣры для облегченія города въ этомъ отношеніи во вниманіе къ необстроенности города и заводимому въ немъ университету. На просьбу дворянства о распространеніи грамоты 29-го декабря 1801 года на остальныя земли губерніи не было отвѣта, почему дворянство, въ собраніи 21-го апрѣля 1803 года, поручило Каразину продолжать ходатайство по этому предмету. Интересно также распоряженіе дворянства, состоявшееся въ томъ же собраніи, по поводу предложенія графа Потоцкаго избрать изъ среды дворянъ лицъ для участія въ распоряженіи пожертвованными суммами: „Дворянство за излишнее почитаетъ избирать отъ себя особъ, которыя бы въ таковомъ распоряженіи участвовали, ограничивъ себя единожды на всегда взносомъ суммы; посему и благосклонное о семъ предложеніе достопочтеннаго попечителя округа отклоняетъ отъ себя съ совершенною благодарностію за сей знакъ его къ благородному нашему корпусу уваженія".

Кромѣ упомянутаго, пожертвованъ въ пользу университета владѣльцами весь обширный участокъ земли по дорогѣ въ Сумы, составляющій и по сіе время собственность университета, за исключеніемъ земли, уступленной подъ ветеринарное училище. Въ архивѣ сохранилось любопытное письмо къ Потоцкому обывателей Захарьковскихъ, Залопаньскихъ и Ивановскихъ слободъ, въ которомъ они изъявляютъ благодарность, что ихъ жертва сподобилась его благоволенія, и въ то же время просятъ ходатайства по поданнымъ ими министру внутрен-

нихъ дѣлъ жалобамъ „о нарушеніи откупомъ законнаго винннаго права, о разореніи безпрогонными подводами, о налогахъ для города, не по закону взимаемыхъ, и о закопахъ улицъ и дворовъ“ [1]). Дворянство Екатеринославской губерніи обязалось внести въ десять лѣтъ 108.260 руб. 12½ коп., при чемъ просило объ этомъ маломъ, по новости водворенія ихъ, но усердномъ, приношеніи довести до свѣдѣнія государя, что̀ будетъ для нихъ единою наградой, а также ходатайствовать, чтобъ ихъ дѣти пользовались одинаковыми съ дѣтьми Харьковскихъ дворянъ правами и привилегіями въ университетѣ [2]). Херсонское дворянство обязалось взносить съ 1807 года десять лѣтъ въ пользу университета 40½ тысячъ и на военныя училища 40½ тысячъ, при чемъ, впрочемъ, оно указывало на пользу обратить половину этой суммы на мѣстныя уѣздныя училища [3]). Изъ частныхъ приношеній въ пользу Харьковскаго университета можно замѣтить здѣсь о пожертвованіи Курскимъ помѣщикомъ О. И. Хорватомъ 5.000 руб., съ разсрочкою на пять лѣтъ, Харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскимъ 1.000 руб., купцомъ Анпкѣевымъ 3.000 руб. и т. д.; войсковой обыватель Купянскаго уѣзда, Юшка, обязался пожизненно жертвовать 50 руб. въ годъ. Здѣсь же можно съ признательностію упомянуть о пожертвованіи тайнымъ совѣтникомъ Судіенковымъ 40.000 руб. въ пользу училищъ Малороссіи [4]).

Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи университета для южной Россіи состоялось, какъ уже сказано, 24-го января 1803 года; того же числа опредѣлено пространство Харьковскаго учебнаго округа, который долженъ былъ заключать въ себѣ губерніи: Слободско-Украинскую, Воронежскую, Орловскую, Курскую, Черниговскую, Полтавскую, Николаевскую, Таврическую, Екатеринославскую, Земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ; тогда же назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Въ томъ же году, 17-го марта, утверждено „примѣрное исчисленіе суммъ на ежегодное содержаніе университетовъ, гимназій и уѣздныхъ училищъ въ Россіи“, въ которомъ ежегодное содер-

---

[1]) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея къ министру народнаго просвѣщенія Завадовскому отъ 17-го августа 1804 года.

[2]) Отношеніе Екатеринославскаго губернскаго предводителя Струкова къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го декабря 1803 года.

[3]) Отношеніе Херсонскаго губернатора отъ 14-го іюня 1806 года.

[4]) Отношеніе Завадовскаго къ Потоцкому отъ 4-го іюля 1804 года.

жаніе каждаго университета опредѣлено во 130 тысячъ рублей [1]). Въ „примѣрномъ штатѣ Харьковскаго университета", составленномъ на основаніи принятаго дворянствомъ „предначертанія" Каразина и по соображенію съ проектомъ новаго штата Московскаго университета, сдѣлано исчисленіе на 200 тысячъ [2]).

11-го іюня 1804 года утверждена форма мундировъ для служащихъ въ Харьковскомъ университетѣ [3]). Наконецъ, 5-го ноября 1804 года, послѣ долгаго ожиданія, высочайше утверждены уставъ и утвердительная грамота. Послѣдняя, будучи общею для всѣхъ трехъ университетовъ, имѣетъ особое для каждаго вступленіе. Вступленіе къ грамотѣ Харьковскаго университета еще разъ указываетъ на патріотическое пожертвованіе дворянства и гражданства, *ускорившее* устроеніе университета: „Учреждая новый образъ существованія училищной части въ имперіи, съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣли мы поревнованіе Слободско-Украинскаго дворянства и гражданства, которые, ускоривъ вѣрноподданническимъ прошеніемъ о устроеніи въ Харьковѣ университета, въ пользу онаго отъ собственныхъ своихъ стяжаній принесли государству достойное признательности нашей и вѣчной памяти

---

[1]) Относительно Харьковскаго университета въ примѣрномъ исчисленіи замѣчено: «Въ числѣ суммы, полагаемой на Харьковскій университетъ, предлежитъ вспомоществованіе, приносимое отъ дворянства и городовъ той губерніи, сколько изъ доходовъ отъ назначаемаго ими капитала удѣлить будетъ возможно впредь на ежегодный расходъ».

[2]) Въ примѣрномъ *штатѣ* назначено на 200 казенныхъ студентовъ 40.000 руб., а въ примѣрномъ *исчисленіи* на 40 казенныхъ студентовъ 8.000 руб.; въ первомъ на путешествіе девяти магистровъ въ чужихъ краяхъ, изъ коихъ три будутъ отправляемы ежегодно,—10.800 руб. (по 1.200 руб.), а во второмъ «на путешествіе въ чужіе края адъюнктовъ изъ Россіянъ, отличившихся своими талантами»,—2.000 руб. Но за то профессорамъ въ *штатѣ* назначено по 1.200 руб., адъюнктамъ по 600 руб., а въ *исчисленіи* профессорамъ по 2.000 руб., а адъюнктамъ по 800 рублей.

[3]) «Однобортный кафтанъ темносиняго сукна съ стоячимъ воротникомъ, воротникъ и обшлага черные бархатные, пуговицы металлическія бѣлыя безъ гербовъ, камзолъ и исподнее платье бѣлое же. Чиновникамъ, имѣющимъ званіе ординарныхъ профессоровъ и состоящимъ въ седьмомъ и высшихъ классахъ, носить таковой же мундиръ съ серебренымъ шитьемъ на воротникѣ, обшлагахъ и клапанахъ; имѣющимъ званіе профессоровъ экстраординарныхъ, адъюнктамъ и состоящимъ въ осьмомъ классѣ имѣть шитье на воротникѣ и обшлагахъ; магистрамъ и учителямъ девятаго и другихъ низшихъ классовъ имѣть шитье только на воротникѣ; студентамъ же и всѣмъ, не имѣющимъ офицерскаго званія, носить такой же мундиръ, но безъ шитья». Сборн. постановл. I. Прилож. стр. 6.

потомковъ пожертвованіе“ (Сборн. пост. I, 260). Существенное же отличіе тогдашняго устава отъ настоящаго состоитъ въ трехъ учрежденіяхъ, для того времени весьма полезныхъ, сообщавшихъ университету сильное и широкое вліяніе на весь округъ и дѣлавшихъ его въ полномъ смыслѣ слова центральнымъ образовательнымъ заведеніемъ въ цѣлой обширной области государства: *въ педагогическомъ институтѣ* для образованія изъ казенно-коштныхъ студентовъ учителей для гимназій и училищъ округа и состоявшемъ въ завѣдываніи директора и ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ совѣтомъ; *въ училищномъ комитетѣ*, заправлявшемъ ходомъ учебнаго дѣла во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа, обязанномъ отчетностію совѣту и состоявшемъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, и наконецъ, *въ цензурномъ комитетѣ* для разсматриванія книгъ, печатаемыхъ въ университетской типографіи и въ округѣ частными людьми, и состоявшемъ изъ декановъ всѣхъ отдѣленій, при участіи всѣхъ профессоровъ, адъюнктовъ и магистровъ для чтенія сочиненій. Если нельзя не согласиться съ тѣмъ, что учрежденія эти, особенно два послѣднія, доставлявшія университету много хлопотъ и тревогъ и подвергавшія его нерѣдко серіозной отвѣтственности, дѣйствительно отвлекали его отъ прямаго и существеннаго назначенія, то нельзя отвергать и того, что они, имѣя безотносительное значеніе, принесли въ свое время для нашего образованія много пользы.

Въ движеніи всего университетскаго дѣла, отъ его возникновенія до окончательнаго утвержденія, безъ сомнѣнія, принималъ живѣйшее участіе Каразинъ, состоя въ должности правителя дѣлъ въ коммиссіи и главномъ правленіи училищъ. Но все это дѣло, какъ бы ни дорожилъ онъ имъ въ общемъ смыслѣ, было для него особенно важно въ примѣненіи къ его родному краю, Малороссіи, и ближайшему къ его родинѣ Харькову. „Сердце радуется“, пишетъ онъ отцу Василію, „представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ, моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность, которая творитъ прямыхъ гражданъ“. Понятно, какъ Каразинъ, со своимъ пылкимъ и нетерпѣливымъ характеромъ и самонадѣянностію, относился ко всему, что касалось первоначальнаго устройства Харьковскаго университета: онъ не пропускалъ ни одного распоряженія, брался за

все, входилъ во всѣ мелочи, по обычаю преувеличивалъ размѣры, чѣмъ естественно усложнялъ и затруднялъ дѣло, а иногда и положительно вредилъ ему, что̀ и вызывало вмѣшательство начальства. Въ этихъ распоряженіяхъ самымъ живымъ и нагляднымъ образомъ обрисовалась эта страстная и совершенно непрактичная натура.

Дѣйствительно, изъ офиціальныхъ документовъ видно, что всѣ дѣла по устройству университета поручены были попечителемъ первоначально Каразину, такъ что во все время, отъ начала 1803 года до 11-го апрѣля 1804 года (день перваго засѣданія комитета правленія), онъ былъ главнымъ, и можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета, на первое время, всѣмъ необходимымъ. О своихъ распоряженіяхъ онъ доводилъ до свѣдѣнія сначала графа Потоцкаго, а со времени его отъѣзда за границу, въ концѣ 1803 года, до возвращенія его въ Харьковъ въ мартѣ 1804 года,—попечителя С.-Петербургскаго округа Н. Н. Новосильцева, управлявшаго въ отсутствіе Потоцкаго Харьковскимъ округомъ. Въ сохранившемся собственноручномъ письмѣ, отъ 3-го марта 1805 года, онъ проситъ о возвращеніи ему 5.000 рублей, уплаченныхъ имъ изъ собственныхъ средствъ за эстампы, „подобно тому, какъ и прежде всѣ таковыя издержки, дѣланныя при основаніи университета до 11-го апрѣля 1804 года, пріемлемы были за благо, и въ случаѣ, когда были производимы изъ собственныхъ его денегъ, возвращались ему изъ суммъ университета безпрекословно, ибо извѣстно начальству и по дѣламъ видно, что до открытія сказаннаго комитета *онъ былъ единственное дѣйствующее лице въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ университета* и въ пріобрѣтеніяхъ сего рода, учиненныхъ въ его пользу, да и его сіятельство г. попечитель, при отъѣздѣ своемъ изъ С.-Петербурга въ послѣднемъ декабрѣ мѣсяцѣ изволилъ его лично извѣстить, что онъ съ своей стороны о выдачѣ оной суммы предписалъ университету съ полнымъ довѣріемъ приступить къ оной немедленно". Въ помощь себѣ онъ пріискалъ еще въ С.-Петербургѣ особаго чиновника, И. М. Шишкина, который еще въ началѣ 1803 года явился въ Харьковъ и былъ исполнителемъ личныхъ распоряженій Каразина, чѣмъ-то въ родѣ эконома, не состоя, повидимому, ни въ какой должности. Профессоръ И. Ѳ. Тимковскій, раньше всѣхъ явившійся въ Харьковѣ и получившій порученіе обозрѣть училища и распорядиться первоначальнымъ устройствомъ ихъ, въ письмѣ къ Новосильцеву отъ 12-го октября 1803 года называетъ этого Шишкина „имѣющимъ жительство въ

здѣшнемъ городѣ не у дѣлъ коллежскимъ совѣтникомъ". Въ архивѣ сохранилось нѣсколько весьма интересныхъ и характеристичныхъ писемъ Каразина къ Шишкину. Первымъ дѣломъ было, разумѣется, приготовленіе самыхъ зданій для университета, то-есть, двухъ смежныхъ, исходатайствованныхъ у государя, казенныхъ домовъ: большаго, губернаторскаго, съ двумя флигелями, и меньшаго, вице-губернаторскаго, такого же состава. Оба дома, вовсе не приспособленные для новой цѣли и „отъ давняго запущенія", какъ говоритъ рукописная исторія, пришедшіе въ разстройство, очевидно, требовали большихъ передѣлокъ и исправленій. Въ письмѣ отъ 24-го апрѣля 1803 г., Каразинъ поручаетъ Шишкину принять губернаторскій домъ и сдѣлать опись всему имуществу, и предъ отъѣздомъ изъ Харькова, 14-го мая, пишетъ ему слѣдующее интересное письмо: „Отъѣзжая на короткое время по обязанности моей въ С.-Петербургъ, я имѣю честь повторить вамъ порученіе, которое вы на себя взять изволили, и увѣрить притомъ, что всѣ старанія употреблю достойно васъ возблагодарить". Сказавъ о приготовленіи домовъ для университета, объ отдѣлкѣ въ нихъ квартиръ для ректора и профессоровъ, а также объ уплатѣ денегъ рабочимъ „по нуждѣ и разсмотрѣнію", онъ замѣчаетъ: „Я совершенно ввѣряю вамъ всѣ издержки, бывши удостовѣренъ, что излишняго не употребите; по сему все, чтò ни сдѣлаете вы, пріемлю я на собственный мой счетъ. Если нужны какіе-либо письменные договоры, вы можете ихъ дѣлать моимъ именемъ.... Собственно для себя пожалуйте употребите хотя до полутораста рублей и внесите сіе въ книгу, ибо невозможно никому трудиться безъ воздаянія". При этомъ онъ оставляетъ Шишкину на расходы въ полное распоряженіе 2.000 рублей и ему же поручаетъ принимать взносы „отъ благомыслящихъ въ пользу университета". Въ письмѣ отъ 24-го мая, изъ Москвы, онъ увѣдомляетъ Шишкина о скоромъ пріѣздѣ въ Харьковъ Тимковскаго, которому поручено, между прочимъ, заняться вмѣстѣ съ нимъ (Каразинымъ) пріуготовленіями къ открытію университета, и проситъ вступить съ Тимковскимъ въ то самое сношеніе, въ которомъ былъ съ нимъ самимъ; повторяетъ, чтобъ онъ свободно издерживалъ порученную ему сумму, и обѣщаетъ въ скоромъ времени выслать еще бòльшую изъ С.-Петербурга на пріуготовленія къ университету. Письмо отъ 14-го мая, по нашему мнѣнію, весьма интересно, какъ свидѣтельствующее о полнѣйшей самостоятельности распоряженій Каразина, а также о крайней простотѣ способовъ расходованія казенныхъ денегъ; выражаемое имъ безуслов-

ное довѣріе лицу, неудобное и въ частныхъ денежныхъ отношеніяхъ, очевидно, не могло быть примѣнимо ни въ какія времена къ казенному счетоводству. Тѣмъ не менѣе эта простота способовъ, какъ оказывается, господствовала во всѣхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ Каразина, поглощавшихъ однако весьма почтенныя суммы, и естественно, должна была повести къ большимъ затрудненіямъ и замѣшательствамъ. Не забудемъ, что Каразинъ выписывалъ изъ-за границы и закупалъ въ Россіи книги, физическіе и химическіе инструменты, типографскія принадлежности, сѣмена для ботаническаго сада и заключалъ контракты со всевозможными мастеровыми и ремесленниками.

Для характеристики хозяйственныхъ распоряженій за это время, то-есть, отъ начала 1803 года по 11-е апрѣля 1804 года, мы остановимся на двухъ, болѣе важныхъ, стоившихъ очень дорого и надѣлавшихъ университету и самому Каразину много хлопотъ и безпокойствъ: на покупкѣ эстамповъ и наймѣ ремесленниковъ для университета.

Въ концѣ 1803 года или въ январѣ 1804 года Каразинъ купилъ для университета у извѣстнаго Аделунга собраніе эстамповъ, въ числѣ 2.477, за 5.000 рублей. Каталогъ этого собранія подписанъ былъ извѣстнымъ археологомъ Келеромъ, хранителемъ императорскаго кабинета эстамповъ и живописцемъ Лабунскимъ, живописцемъ Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры академіи художествъ Прокофьевымъ и любителемъ искусствъ Цимсеномъ, оцѣнившими его свыше 5.000 руб. и свидѣтельствовавшими, что „это собраніе" весьма рѣдкое и въ особенности удобное служить къ изученію исторіи гравировальнаго искусства и притомъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства". Слѣдовало уплатить деньги. Но въ это время ужъ учрежденъ былъ комитетъ правленія—и дѣло объ уплатѣ за эстампы перешло къ нему. Комитетъ видимо затруднялся уплатой, тѣмъ болѣе, что къ этому присоединились вообще большія замѣшательства въ денежныхъ разчетахъ съ Каразинымъ. Комитетъ разсмотрѣлъ это собраніе эстамповъ, потребовалъ мнѣнія отъ учителей рисованія Матеса и Шепфлина; но окончательное рѣшеніе объ этомъ дѣлѣ отложилъ до пріѣзда попечителя въ Харьковъ. Попечитель, вѣроятно, по просьбѣ Каразина, потребовалъ отъ комитета рѣшенія дѣла и опредѣлилъ,—„*если комитетъ найдетъ собраніе полезнымъ для университета и цѣну не дорогою*, выдать изъ текущихъ расходныхъ суммъ 5.000 рублей Каразину, по предъявленіи имъ надлежащаго

довѣрія отъ Аделунга, и съ симъ вмѣстѣ кончить и прочіе всѣ счеты, находящіеся между имъ (Каразинымъ) и университетомъ". Получивъ такое предписаніе, комитетъ пригласилъ тѣхъ же учителей рисованія, присоединивъ къ нимъ профессора эстетики Умлауфа [1]), для рѣшенія предложенныхъ попечителемъ вопросовъ. Всѣ они признали собраніе полезнымъ для университета, а относительно стоимости положились на мнѣніе знатоковъ, подписавшихся подъ каталогомъ, такъ какъ они, „какъ недавно пріѣхавшіе въ Россію иностранцы, цѣны художественнымъ произведеніямъ въ оной никакъ назначить не могутъ". Мнѣніе самого комитета, въ сущности отрицательное, хотя и уклончивое, весьма интересно, и мы приведемъ его вполнѣ: „Цѣль сего собранія, по видимому, была та",—писалъ комитетъ,—„чтобы содержать лучшія работы разныхъ граверовъ и тѣмъ представить исторію гравировальнаго искусства и вмѣстѣ копіи съ лучшихъ картинъ всѣхъ превосходныхъ живописцовъ. Ежели нужно университету для исторіи разныхъ образцовъ гравированія богатое собраніе эстамповъ, въ чемъ комитетъ предается на благоразсужденіе вашего сіятельства, то на сей конецъ собраніе представленное, сколько въ нѣкоторыхъ статьяхъ ни преизбыточно, впрочемъ по свидѣтельству гравера Шенфлина сколько ни недостаточно, и по стороннему отъ бывшаго здѣсь д. с. с. Дивова сказанію, сколько ни обобрано и разрознено, при всемъ томъ однако великаго вниманія достойно по трудности составить его, а особливо достать такія рѣдкости, какія есть въ немъ. Болѣе имѣетъ въ виду комитетъ то, что университету, а особливо въ такомъ городѣ, гдѣ нѣтъ стороннихъ картинныхъ галлерей, надобенъ хорошій и систематическій запасъ лучшихъ эстамповъ, а особливо копій съ превосходнѣйшихъ картинъ знаменитыхъ школъ живописи, не только для истолкованій и образцовъ въ рисованіи, но и для историческихъ и эстетическихъ свѣдѣній о сихъ искусствахъ, для сообщенія студентамъ впечатлѣній и идей, въ самую словесность входящихъ и ее оживляющихъ, и вообще для распространенія изящнаго искусства. Въ семъ случаѣ представляемое собраніе есть столь отрывочное и случайное, что развѣ пятою долею соотвѣтствуетъ предполагаемой цѣли. Поелику же собранія для сей цѣли нельзя сдѣлать вдругъ и разомъ и даже трудно, а особливо здѣсь, составить его по частямъ

---

[1]) Леонардъ Адамовичъ Умлауфъ изъ Эйхфельда въ Пруссіи, бывшій прежде профессоромъ нѣмецкой литературы въ Львовѣ, поступилъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру латинской словесности и эстетики 1-го октября 1803 года и скончался «отъ злой нервной горячки» 23-го января 1807 года.

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то представленные эстампы могутъ служить порядочнымъ къ тому основаніемъ, если прійдутся цѣною сходною. Ежели изъ 2.477 эстамповъ, стоящихъ 5.000 руб., положить удовлетворительными вышесказанной цѣли 500 отборнѣйшихъ, то комитетъ, разумѣя въ томъ числѣ многіе, стоящіе, вѣроятно, и сколько онъ судить можетъ, до 25 рублей и болѣе, и выключая рѣдкости, которыхъ оцѣнка есть самая произвольная и часто превосходитъ важность и пользу ихъ въ употребленіи, не осмѣливается утруждать, чтобы каждый въ семъ числѣ могъ стоить круговою раскладкою по 10 руб., и согласно съ отзывомъ учителей рисованія Матеса и Шепфлина, не можетъ рѣшительно опредѣлить, стòитъ ли требуемой цѣны упомянутое собраніе, ниже того, можно ли на такую цѣну пріобрѣсть хотя въ меньшемъ числѣ, но полезнѣйшее. При семъ мнѣніе гг. членовъ Делавиня и де-Баллю, что на 5.000 руб. можно получить изъ Парижа лучшее и гораздо полезнѣйшее представляемаго собранія, и что за покупкою сего послѣдняго еще по крайней мѣрѣ на такую же сумму надобно будетъ купить эстамповъ, если угодно составить правильное и порядочное по предназначаемой цѣли собраніе". Мнѣніе это представлено попечителю въ общемъ рапортѣ отъ 26-го декабря, а 28-го января 1805 года Тимковскій предъявилъ правленію (открытому съ 17-го января 1805 года и замѣнившему собою прежній комитетъ) слѣдующее изустное разрѣшеніе попечителя: „нарочно собирая ихъ, дешевле требуемой цѣны пріобрѣсть не можно". Вслѣдствіе этого, въ журналѣ правленія того же числа было записано: „Въ протчихъ пунктахъ согласоваться съ словесными рѣшеніями его сіятельства".

Въ засѣданіи правленія 3-го марта Каразинъ представилъ засвидѣтельствованное въ С.-Петербургской гражданской палатѣ *вѣрющее письмо* Аделунга на полученіе 5-ти тысячъ рублей, съ увѣдомленіемъ, что деньги имъ отъ Каразина всѣ сполна получены, и просилъ объ уплатѣ издержанныхъ имъ для университета собственныхъ денегъ. Въ правленіи хотя большинство членовъ (Шадъ, Умлауфъ и Стойковичъ) и согласно было на уплату съ нѣкоторыми условіями, но такъ какъ ректоръ подалъ отрицательное мнѣніе, то на основаніи § 45 устава, опредѣлено внести все дѣло въ совѣтъ. Въ совѣтѣ, не смотря на разногласіе, большинствомъ членовъ опредѣлено было выдать Каразину уплаченную ужь имъ изъ собственныхъ денегъ сумму за эстампы. Деньги однако не были уплачены, и самъ попечитель остался весьма недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, тѣмъ болѣе, что Каразинъ въ

это время, какъ увидимъ, былъ ужь отрѣшенъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ университета по другому дѣлу о художникахъ.

Причина разногласія въ комитетѣ правленія и совѣтѣ и недовольство попечителя заключалось главнымъ образомъ въ упомянутомъ выше замѣшательствѣ, оказавшемся въ денежныхъ разчетахъ Каразина. На это замѣшательство необходимо обратить вниманіе, такъ какъ оно можетъ служить весьма живою характеристикой образа его дѣйствій, патріархальнаго обращенія его съ казенными денежными суммами, его непрактичности и самонадѣянности.

При разчетѣ за эстампы оказалось, что Каразинъ взялъ 1) заимообразно изъ городской думы на нужды университета 2.000 руб., 2) 2.000 рублей, пожертвованныя въ пользу университета именитымъ Харьковскимъ гражданиномъ Аникѣевымъ, 3) 500 руб., пожертвованныхъ также въ пользу университета губернскимъ предводителемъ дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскимъ, и 4) третное жалованье, назначенное на проѣздъ до Харькова адъюнкту Каретникову, 416 руб. 66 коп. Первыя четыре тысячи, записанныя въ приходо-расходной книгѣ Шишкина, были отправлены послѣ, какъ означено въ той же книгѣ, въ Петербургъ къ Новосильцеву, и при объясненіи по этому дѣлу, Каразинъ представилъ въ комитетъ правленія квитанцію почтовой конторы отъ 24-го марта 1803 года. Дѣло, повидимому, окончено. Но, къ удивленію, оказалось, что въ находившейся при дѣлахъ правленія копіи съ годоваго отчета Новосильцева о суммахъ Харьковскаго университета за 1803 годъ эти четыре тысячи, ни въ приходѣ, ни въ расходѣ не показаны, а съ другой стороны, губернаторъ Бахтинъ слалъ въ университетъ одно за другимъ требованія о возвращеніи двухъ тысячъ рублей въ городскую думу. Произошла величайшая путаница, возникло большое дѣло, перешедшее и въ 1805 годъ и долго занимавшее и правленіе, и совѣтъ университета, отвлекавшее послѣдній отъ существенныхъ его занятій и поселившее даже раздоры между его членами.

Дѣло это разъяснилось для университета уже въ іюнѣ, и то случайно. Т. Ѳ. Осиповскій, непремѣнный засѣдатель правленія, увидѣлъ у одного чиновника (Судакова, секретаря при Потоцкомъ) рапортъ Новосильцева, при которомъ препровожденъ былъ министру народнаго просвѣщенія отчетъ о суммахъ Харьковскаго университета за 1803 годъ. Ректоръ вытребовалъ копію съ этого рапорта въ правленіе. По этой копіи, а также по свѣдѣніямъ изъ другихъ документовъ, все дѣло можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Такъ какъ приготовленія къ открытію университета, а слѣдовательно, и необходимые для того расходы начались еще задолго до отпуска изъ государственнаго казначейства первыхъ суммъ, ассигнованныхъ для этой цѣли, то Каразинъ поспѣшилъ выслать изъ Харькова въ Петербургъ Новосильцеву десять тысячъ рублей, изъ коихъ шесть взяты имъ были у Харьковскихъ дворянъ, въ счетъ пожертвованной на университетъ суммы, 2.000 заимообразно изъ городской думы и 2.000 тоже заимообразно отъ Аникѣева, въ счетъ пожертвованныхъ имъ на университетъ 3.000 съ разсрочкою на четыре года. По полученіи же штатныхъ суммъ, Новосильцевъ возвратилъ 6.000 въ процентныхъ билетахъ С.-Петербургскаго заемнаго банка Харьковскому губернскому предводителю дворянства, который и передалъ ихъ университету въ счетъ пожертвованной дворянами суммы, а 4.000 возвратилъ Каразину для уплаты тѣмъ, отъ кого онъ ихъ получилъ.

При дѣлахъ находится и собственноручная росписка Каразина, отъ 11-го марта 1804 года, въ полученіи имъ отъ Новосильцева четырехъ тысячъ рублей, доставленныхъ ему въ апрѣлѣ 1803 года изъ Харькова. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній правленіе, наконецъ, заключило, что 4.000 руб., полученные Каразинымъ обратно отъ Новосильцева, и „суть 2.000, слѣдовавшія къ возвращенію въ городскую думу, и 2.000, слѣдовавшія къ возвращенію Аникѣеву“, и положило сообщить губернатору, что оба кредитора—и дума, и Аникѣевъ, должны впредь взыскивать свои деньги съ Каразина, уже давно ихъ получившаго. Совѣтъ также, въ засѣданіи 10-го іюня, опредѣлилъ признать университетъ свободнымъ отъ платежа городской думѣ 2.000 руб., какъ полученныхъ уже Каразинымъ [1]).

Что же касается до денегъ (500 руб.) В. М. Донецъ-Захаржевскаго, пожертвованныхъ на университетъ и заимствованныхъ Каразинымъ, то послѣдній самъ согласился на вычетъ ихъ изъ слѣдовавшихъ ему за эстампы 5.000 руб., а потому и всѣ члены правленія и совѣта признали необходимымъ этотъ вычетъ. Наконецъ, относительно денегъ, принадлежавшихъ адъюнкту Каретникову (416 руб. 66 коп.), Каразинъ далъ правленію подписку, что если Каретниковъ будетъ требовать этихъ денегъ, то онъ „немедленно и безъ отговорокъ внесетъ сіи деньги въ присутствіе правленія“ [2]).

---

[1]) Decretum est, universitatem amplius non teneri pro «D-no Karasin mutuo acceptos bis mille rubellos magistratui solvere, quandoquidem eos D. Karasin Petropoli perceperit».

[2]) См. дѣло о суммахъ, отпускаемыхъ ст. сов. Каразину.

Такая путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ намъ перваго дѣятеля въ пользу Харьковскаго университета. Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скоро обнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ, и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты.

Попечитель, какъ уже замѣчено было выше, остался весьма недовольнымъ рѣшеніемъ совѣта выдать Каразину всѣ деньги (за вычетомъ 500 руб., пожертвованныхъ Донецъ-Захаржевскимъ), особенно потому, что эта выдача не оканчивала разомъ всѣ счеты университета съ нимъ, чего именно требовалъ попечитель. Въ отношеніи въ совѣтъ отъ 10-го іюля 1805 года за № 18-мъ, при которомъ приложена росписка Каразина въ обратномъ полученіи отъ Новосильцева четырехъ тысячъ, попечитель высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что не слѣдовало выдавать всѣхъ пяти тысячъ, а въ особенности четырехъ тысячъ, пересланныхъ Новосильцеву, такъ какъ представленная Каразинымъ почтовая квитанціи для совѣта вовсе не можетъ служить удовлетвореніемъ въ томъ, что деньги эти Новосильцевымъ получены, а равно и въ томъ, что онѣ не были возвращены Каразину. Совѣтъ долженъ былъ пріостановить выдачу этихъ денегъ, по крайней мѣрѣ, до полученія разъясненій по этому дѣлу. Такимъ рѣшеніемъ дѣла, говоритъ попечитель, совѣтъ связалъ себя съ нимъ на долго, вмѣсто того чтобы разомъ покончить съ нимъ всѣ дѣла, а потому совѣтуетъ озаботиться взысканіемъ законнымъ порядкомъ съ Каразина двухъ тысячъ, взятыхъ изъ думы, на случай, если послѣдняя обратится въ университетъ съ новыми требованіями. Точно также, по мнѣнію попечителя, слѣдовало удержать и деньги Каретникова, тѣмъ болѣе, что послѣдній прежде утверждалъ, что онъ тѣхъ денегъ не получалъ; а не удержавъ денегъ Аникѣева (2.000), совѣтъ отдалилъ окончаніе счетовъ съ Каразинымъ на цѣлые четыре года, обязавъ его подпискою вносить въ университетъ ежегодно по 500 руб. „Въ заключеніе“, пишетъ попечитель, „рекомендую совѣту какъ можно скорѣе привести всѣ счеты съ г. Каразинымъ къ окончанію“, и сожалѣетъ, что не были приняты въ основаніе мнѣнія Рижскаго и Тимковскаго, требо-

вавшихъ вычета изъ 5.000 руб. всего долга Каразина. Рижскій весьма опредѣлительно высказался въ своемъ мнѣніи и о самой покупкѣ эстамповъ. „Ни утверждаю, ни отрицаю“, говоритъ онъ, „что они такъ полезны, *что ихъ нужно тотчасъ непремѣнно пріобрѣсти, особенно когда университетъ такъ нуждается въ болѣе необходимомъ.* А такъ какъ теперь очевидно, что г. Каразинъ, оказавшій столько услугъ Харьковскому университету съ колыбели его, побужденный особенною ревностію къ университету, заплатилъ эту сумму изъ собственныхъ средствъ, то я считаю справедливымъ, чтобъ университетъ озаботился оградить его отъ убытковъ. Но такъ какъ издержка столь большая и *не совсѣмъ необходимая* превышаетъ права и власть университета, то необходимо испросить разрѣшеніе попечителя“. Мнѣніе Рижскаго, что издержка на эстампы была не совсѣмъ необходима, что университетъ нуждался въ болѣе необходимомъ, разумѣется, вполнѣ справедливо. Эстампы эти можно видѣть и теперь въ библіотекѣ университета, они дѣйствительно хороши; можетъ-быть, они стоятъ и дороже пяти тысячъ; но они составляютъ во всякомъ случаѣ роскошь а для обильно снабженнаго всѣми средствами учебнаго заведенія, и пріобрѣтеніе ихъ за 5.000 въ то время, при самомъ первоначальномъ обзаведеніи университета, когда тысячи насущныхъ потребностей искали себѣ средствъ для удовлетворенія и не находили ихъ, было по меньшей мѣрѣ крайне непрактично. И эти эстампы 65 лѣтъ лежатъ безъ всякаго употребленія! Почему попечитель, безъ сомнѣнія согласный съ Рижскимъ, что эстампы не совсѣмъ необходимы для университета, не остановилъ покупку и не призналъ ее излишнею? Вѣроятно потому, что дѣло было уже покончено тѣмъ, что Каразинъ дѣйствовалъ на основаніи обширныхъ, предоставленныхъ ему полномочій, и наконецъ, тѣмъ, что продавцами и оцѣнщиками были лица, тѣсно примыкавшія къ придворному міру, и отказаться отъ покупки значило бы уронить во мнѣніи этого міра кредитъ университета въ самую, такъ-сказать, минуту его зарожденія. Какъ объяснить странную идею Каразина покупать на пять тысячъ такихъ вещей, которыя, по самому простому соображенію, должны были оставаться весьма долго непроизводительными и могли понадобиться только въ весьма отдаленномъ будущемъ? Мы желали бы дать слѣдующее, наиболѣе благопріятное для Каразина, объясненіе: воодушевленный самыми лучшими намѣреніями, но неспособный точно опознаться въ суммѣ и качествѣ потребностей для новаго университета, точно оцѣнить эти потребности и сообразить съ наличными средствами для ихъ удовле-

творенія, горячій и вѣчно увлекающійся, онъ задался мыслію вдругъ разомъ сдѣлать полные запасы по всевозможнымъ отраслямъ дѣятельности будущаго университета, по всевозможнымъ его отдѣленіямъ, пользовался каждымъ благопріятнымъ случаемъ сдѣлать эти запасы. Припомнимъ, что въ составленномъ имъ „предначертаніи Харьковскаго университета" *разрядъ пріятныхъ искусствъ, отдѣленіе изящныхъ художествъ* играетъ весьма видную роль, и вотъ онъ рѣшился снабдить этотъ разрядъ заблаговременно хорошими средствами. Представился случай, можетъ-быть, даже вліятельная рекомендація, отъ которой не ловко было отдѣлаться, и эстампы куплены, и университетъ еще до своего открытія сдѣлалъ совершенно непроизводительную издержку въ пять тысячъ рублей изъ пожертвованныхъ обществомъ суммъ. Такую непроизводительную растрату денегъ и въ такое время нельзя объяснять понятнымъ и отчасти извинительнымъ увлеченіемъ художника, потому что Каразинъ, по словамъ его біографа вовсе не былъ художникомъ: „*Не будучи никогда особенно склоненъ къ искусствамъ изящнымъ*", — говоритъ В. Н. Каразинъ, „съ 1805 года, сталъ болѣе и болѣе склоняться къ примѣненію естественныхъ наукъ, и въ 1811 году приступилъ къ основанію филотехническаго общества домоводства въ Харьковѣ" [1]). Тоскуя о малопрактичности своихъ сосѣдей и сверстниковъ (слова того же біографа), онъ въ своей рѣчи 1807 года въ обществѣ испытателей природы восклицаетъ: „Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ и Лондонъ! *Сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи такъ-названныхъ антиковъ или другихъ художественныхъ произведеній!*" [2]).

Другое хозяйственное распоряженіе Каразина за это время еще живѣе и рѣзче характеризуетъ эту замѣчательную личность. Оно стоило университету гораздо дороже, надѣлало еще больше хлопотъ и безпокойствъ и университету, и самому Каразину, навлекло на него даже гнѣвъ императора и имѣло рѣшительное вліяніе на его служебную карьеру. Мы разумѣемъ(дѣло о наймѣ въ Петербургѣ и высылкѣ въ Харьковъ для университета разнаго рода ремесленниковъ и мастеровыхъ.)

Передѣлка двухъ, предоставленныхъ университету, домовъ, снабженіе ихъ мебелью и всѣми принадлежностями, а также предпола-

---

[1]) Украинская старина, 133.

[2]) Тамъ же.

гавшіяся новыя постройки, естественно, требовали такого количества рабочихъ и разныхъ мастеровыхъ, котораго тогдашній Харьковъ, очевидно, не могъ доставить. И Тимковскій, и Рижскій, въ своихъ письмахъ къ Потоцкому, неоднократно жаловались на недостатокъ рабочихъ и на дороговизну заработной платы и предполагали выписывать ихъ изъ сосѣдственныхъ губерній. „Въ семъ отдаленномъ краѣ“, пишетъ Рижскій Потоцкому отъ 2-го августа 1804 года, „столько и такія всегда встрѣчаются затрудненія въ покупкѣ матеріаловъ и наймѣ рабочихъ людей, что живущіе въ столицахъ ни вообразить ихъ, ни повѣрить сему не могутъ. Недостатокъ работниковъ столь великъ, что принуждены были вызывать ихъ изъ другихъ городовъ“. Каразинъ, принявшій на себя всѣ хлопоты по первоначальному устройству и открытію университета, безъ сомнѣнія, сильно хлопоталъ объ устраненіи этого важнаго затрудненія, и конечно, неоднократно говорилъ объ этомъ съ попечителемъ. Послѣдній, вполнѣ понимая необходимость доставки тѣмъ или другимъ способомъ рабочихъ въ Харьковъ, передъ своимъ отправленіемъ за границу въ половинѣ апрѣля 1803 года, по всей вѣроятности, предоставилъ Каразину принять необходимыя мѣры. Наиболѣе практическими мѣрами были именно тѣ, на которыя указывали Тимковскій и Рижскій, то-есть, призывъ рабочихъ изъ сосѣдственныхъ губерній, и притомъ для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ. Каразинъ, какъ оказывается изъ офиціальныхъ документовъ, и здѣсь преувеличилъ размѣры потребностей до крайности и принялъ наименѣе практическія мѣры. Онъ законтрактовалъ осенью 1803 года всевозможныхъ мастеровыхъ, большею частію совершенно ненужныхъ для университета, и притомъ въ Петербургѣ, а вслѣдъ затѣмъ началъ препровождать ихъ отдѣльными партіями въ Харьковъ, гдѣ ихъ долженъ былъ принимать, заботиться о доставленіи имъ всего необходимаго и назначать къ работамъ, извѣстный уже намъ Шишкинъ [1]).

---

[1]) Вотъ имена мастеровыхъ, появившихся въ Харьковѣ въ концѣ 1803 года: столяръ Блуме, мѣдникъ Вестманъ, слесарь Тропнеръ, токарь Бернсдорфъ, жестяникъ Торшинскій, горшечникъ Гормесъ, бронзовщикъ Марковичъ (скоро умеръ и деньги пропали), чулочный фабрикантъ Цейль, замшеникъ Цейль, кожевникъ Гренгорсъ, бронзовщикъ Винфорсъ, ножевщикъ Отманъ, два шляпника Алгренъ и Зундгвистъ, ткачъ Кретце, сапожникъ Шмитъ, мѣдникъ-чеканщикъ Спекманъ, оловянщикъ Тойня, стекольщикъ Спинедда, столяръ Дребольтъ, два сѣдельника или обойщика—Доманъ и Эбель, два мастера экипажей и вмѣстѣ столяры Вольфъ и Гегеръ, два кузнеца Лоренсъ и Петерсенъ, обязавшіеся завести въ Харьковѣ фабрику для стали и земледѣльческихъ орудій, сапожникъ

Всего препровождено въ Харьковъ 32 мастеровыхъ, на обзаведеніе которыхъ выдано 9.180 руб., да на харчевое продовольствіе въ пути выдано 470 руб. и за проѣздъ до Харькова 2.237 руб. 35 коп. а всего издержано на нихъ 11.887 руб. 35 коп. [1]); изъ нихъ 8.450 руб. подлежали возвращенію или заработкѣ, а 3.437 руб. и 35 коп. выдачѣ имъ безвозвратно. Въ концѣ этого счетнаго листа слѣдуетъ собственноручная приписка Каразина: „Къ сей суммѣ (11.887 руб. 35 коп.), по разстройкѣ нѣкоторыхъ художниковъ въ Харьковѣ, по пріѣздѣ моемъ еще заплочено". Расходы, разумѣется, продолжались и послѣ. Всѣ эти мастеровые, или какъ они обыкновенно назывались, *художники*, обязывались находиться въ вѣдѣніи университета, принимать отъ него всѣ работы предпочтительно предъ партикулярными за умѣренную плату и обучать своему мастерству одного или нѣсколько молодыхъ людей. Изъ перечня мастеровыхъ ясно видно, что Каразинъ, нанимая ихъ, имѣлъ въ виду не одинъ университетъ, а цѣлый городъ, въ которомъ задумалъ разомъ насадить всевозможныя художества, и слѣдовательно, преувеличилъ до крайности порученное ему дѣло. Неправильность такого оборота дѣла и такихъ размѣровъ, не говоря ужь о безполезности большинства рабочихъ для университета, видна изъ того, что безвозвратная сумма въ 3.687 руб. 35 коп. (со включеніемъ 250 руб., выданныхъ Марковичу), употребленная на нихъ, пала исключительно на университетскія суммы безъ всякаго основанія. Мало того: университетъ вдругъ увидѣлъ себя связаннымъ и относительно суммы въ 8.450 руб., которую ему приходилось взыскивать или деньгами, или работой съ мастеровыхъ, что естественно навлекало на него множество хлопотъ и непріятностей. Одни работали плохо, другіе, находя непроизводительнымъ свое мастерство въ Харьковѣ, просились въ другіе города и уѣзжали, иные поумирали, и за все это пришлось расплачиваться университету, и въ какое время, и какими дорогими суммами! Дѣло это о художникахъ Каразинъ принялъ, по обычаю, горячо къ сердцу, предался ему съ увлеченіемъ и относился къ нему съ какою-то отеческою заботливостію. Въ одномъ изъ находящихся при дѣлахъ писемъ къ извѣстному Шишкину (отъ 14-го октября 1803 года), отправленномъ вмѣстѣ

Сергѣевъ съ однимъ обязательствомъ выучить своему мастерству одного молодого человѣка, садовникъ Стровальдъ, типографщикъ Гексъ, переплетчикъ Ведде, два булочника.

[1]) Къ этой суммѣ еще должно приложить 250 руб., выданные Марковичу на покупку инструментовъ и матеріаловъ.

съ одною партіей мастеровыхъ въ Харьковъ, онъ пишетъ: „Пожалуйте, успокойте ихъ отъ дороги, и на первый разъ снабдите ихъ съѣстнымъ, также и по малому количеству денегъ, наипаче же мѣдника, которой изъ написанныхъ въ контрактѣ 300 рублей ничего не получилъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе снабдѣны по соразмѣрности ихъ контрактовъ. Всѣ они мастера искусные, но Марковичъ, къ сожалѣнію, невоздержнаго поведенія. Я сіе усмотрѣлъ уже поздно, выдавши довольно денегъ, такъ что въ надеждѣ его исправленія рѣшился его удержать. Пожалуйте, возьмите съ нимъ особенную осторожность и не допустите ему себя обезславить и людей насмѣшить при первомъ случаѣ. Если съ нимъ не совладѣете, то можно, имѣя въ рукахъ контрактъ, гдѣ показаны взятыя имъ деньги, въ которыхъ онъ росписался, постращать его полиціей, и въ крайнемъ случаѣ, отослать въ мою деревню до пріѣзда и мѣръ, которыя взять съ нимъ будетъ пристойно. Главное дѣло то, чтобы немедленно занять ихъ работою, какъ я имѣлъ честь васъ предварить. Первая же работа будетъ состоять въ пріуготовленіи ими снарядовъ (?). Вашему благоразумію я все сіе предоставляю". Далѣе прописываетъ число лошадей и имена извощиковъ. „Такъ какъ потребная въ будущемъ году на содержаніе университета сумма", пишетъ Каразинъ въ другомъ письмѣ тому же Шишкину отъ 17-го ноября 1803 года, „имѣетъ быть отпущена изъ казны безъ всякихъ вычетовъ, *то деньги, взносимыя Харьковскими гражданами*, *которыя вы получите отъ Егора Егоровича Урюпина (городскаго головы)*, *прошу употребить на удовлетвореніе художниковъ*, и выдать каждому изъ нихъ сколько слѣдуетъ по контракту. Покорнѣйше прошу не сдѣлать въ семъ ни малѣйшей остановки, напротивъ показать имъ всевозможное пособіе въ наняти квартиръ и первоначальномъ ихъ продовольствіи. Въ семъ полагаю на васъ, милостивый государь мой, всю мою надежду; вамъ извѣстно, сколь важно не привести въ уныніе ремесленника. Я писалъ къ Егору Егоровичу, чтобъ онъ вспомоществовалъ вамъ всѣми мѣрами, и не сумнѣваюсь, что все исполнится къ выгодамъ *города* и университета". Въ этомъ указаніи на пожертвованныя въ пользу университета суммы, какъ на источникъ для задатковъ рабочимъ, наименьшая часть которыхъ могла пригодиться для университета, видна та же, ужь извѣстная намъ, патріархальная простота въ обращеніи съ казенными деньгами. Такой оборотъ дѣла, внезапно вовлекшій университетъ въ непредвидѣнные и огромные расходы и притомъ угрожавшій ими на неопредѣленное время въ будущемъ, такая безцеремонная и по мень-

шей мѣрѣ мало производительная растрата денегъ, имѣвшихъ точное назначеніе, не могла не обратить на себя, и очень скоро, вниманіе начальства.

Н. Н. Новосильцевъ, еще въ январѣ 1804 года, узнавъ изъ рапорта Шишкина о выдачѣ художникамъ денегъ, которыя онъ счелъ жалованьемъ, предписываетъ ему не дѣлать впредь подобныхъ издержекъ безъ особаго на то отъ него разрѣшенія. Въ отвѣтъ на это предписаніе Шишкинъ доноситъ (отъ 8-го февраля), что онъ жалованья художникамъ не выдавалъ, „а производилъ для нихъ выдачу денегъ по точной силѣ отношеній ко мнѣ г. коллежскаго совѣтника и кавалера Каразина и т. д., на что̀ по сіе число и употреблено 3.305 р.". Въ то же время Новосильцевъ (13-го января) отнесся къ министру народнаго просвѣщенія Завадовскому по дѣлу о расходахъ Каразина на художниковъ. На это отношеніе министръ далъ Новосильцеву слѣдующій отвѣтъ (отъ 8-го февраля № 73): „Я нахожусь въ затрудненіи одобрить оные расходы, ибо всѣ власти, распоряжающія суммами по части учебной, не могутъ собою дѣлать издержекъ на другіе предметы, кромѣ тѣхъ, которые въ штатѣ означены; *слѣдственно, и довѣренность отъ попечителя, о которой я не вѣдаю*, не можетъ никакъ снабдить правомъ выходить изъ границъ, опредѣленныхъ для денежныхъ расходовъ. Еще и то предстоитъ къ замѣчанію по контрактамъ, сдѣланнымъ съ художниками, что многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, жестяникъ, оловянишникъ, горшечникъ и прочіе имъ подобные, не принадлежатъ вовсе къ составу университетскому, и мнѣ не остается другаго, какъ согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, чтобъ отложить рѣшеніе о сихъ произвольныхъ издержкахъ до прибытія господина попечителя графа Потоцкаго". Расходы на художниковъ между тѣмъ въ Харьковѣ продолжались, и притомъ въ большихъ размѣрахъ; о нихъ, по обязанности, Шишкинъ доносилъ Новосильцеву, такъ что послѣдній, немедленно по полученіи только что приведеннаго предписанія министра, считалъ обязанностію донести ему объ этихъ новыхъ расходахъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ 15-го февраля за № 89: „Изъ представленія вашего превосходительства, отъ 9-го сего февраля, я вижу вновь знатную издержку по суммамъ Харьковскаго университета въ выдачѣ отъ тамошняго кассира трехъ тысячъ восьмидесяти рублей художникамъ, прибывшимъ туда безъ всякаго на то постановленія и мимо свѣдѣнія вашего. Между тѣмъ какъ я по сему обстоятельству отношусь къ графу С. О. Потоцкому, прося увѣдомленія, какимъ образомъ могли произойдти сверхъ штата расходы въ универ-

ситетѣ, къ которымъ прилагаютъ его волю? Препоручаю вашему превосходительству, въ продолженіе дальнѣйшаго безпорядка со стороны произвольныхъ расходовъ, предписать тамошнему казначею, чтобъ онъ, кромѣ штатныхъ расходовъ, никакихъ выдачъ изъ суммы университетской не чинилъ, по чьимъ бы то ни было требованіямъ; а всякій разъ, если бы таковыя предстали, относился къ вамъ и ожидалъ бы отъ васъ предписанія. Я надѣюсь, что г. попечитель, графъ Потоцкій, на своемъ возвратномъ пути самъ заѣдетъ въ Харьковъ освидѣтельствовать на мѣстѣ приготовленія къ открытію университета и войдетъ въ разсмотрѣніе части хозяйской, въ чемъ наипаче было къ нему отношеніе; а тѣмъ самымъ обнаружится должное взысканіе за издержки незаконныя". Дѣло пошло очень быстро. Потоцкій, получивъ увѣдомленіе отъ министра о случившемся, и безъ сомнѣнія, сознавая неосторожность, съ какою онъ довѣрилъ въ настоящемъ случаѣ Каразину, поспѣшилъ возвратиться въ Россію и въ мартѣ 1804 года былъ уже въ Харьковѣ. 19-го апрѣля онъ отправилъ министру донесеніе, въ которомъ представилъ въ надлежащемъ свѣтѣ распоряженія Каразина и произволъ, допущенный имъ въ расходованіи казенныхъ денегъ. Въ дѣлахъ архива Харьковскаго университета не сохранилось это донесеніе; но каково было его содержаніе—можно видѣть изъ того, что министръ тотчасъ довелъ до свѣдѣнія государя о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Каразина. Государь былъ весьма недоволенъ, хотя и разрѣшилъ принять всѣ произвольно и непроизводительно сдѣланные сверхсмѣтные расходы на художниковъ на счетъ университетскихъ суммъ. Но такъ какъ столь значительная издержка не могла быть произведена безъ высочайшаго указа, то министръ 18-го іюня вошелъ съ докладомъ къ государю. Копія съ этого доклада сохранилась въ архивѣ, и мы приведемъ его здѣсь вполнѣ: „По представленію попечителя Харьковскаго университета графа Потоцкаго я докладывалъ вашему императорскому величеству, что коллежскій совѣтникъ Каразинъ *самъ собою, безъ всякаго дозволенія отъ начальства,* вызвалъ многихъ мастеровыхъ людей въ городъ Харьковъ и сдѣлалъ съ ними контракты *въ видѣ потребныхъ работъ для университета, въ удовлетвореніе коихъ издержки простираются на одинадцать тысячъ пять сотъ двадцать пять рублей,* сверхъ суммы, опредѣленной въ штатѣ. Ваше императорское величество изъ единаго милосердія удовлетворить повелѣли мастеровыхъ вышеупомянутою заплатою изъ суммъ, вообще входящихъ въ распоряженіе университета; но какъ количество такого расхода требуетъ подписнаго

указа, то испрашиваю на то высочайшаго утвержденія. Въ пресѣченіе же подобныхъ произвольныхъ издержекъ, я предложилъ попечителю Харьковскаго университета графу Потоцкому сдѣлать *строгій* выговоръ Каразину за сей его поступокъ, съ воспрещеніемъ входить ему впредь во всякія распоряженія, принадлежащія правленію университета". Вслѣдъ за тѣмъ министръ 20-го іюня увѣдомилъ Потоцкаго о состоявшемся высочайшемъ рѣшеніи, съ порученіемъ сдѣлать Каразину, *не имѣвшему на таковые расходы отъ начальства предписаній*, *строжайшій выговоръ* и запретить впредь самому собою мѣшаться въ дѣла университета. По окончательному разчету выдано было Каразину въ Петербургѣ изъ государственнаго казначейства 9.525 руб. (можетъ-быть, за вычетомъ двухъ тысячъ, слѣдовавшихъ къ уплатѣ въ Харьковскую городскую думу), а Харьковской казенной палатѣ предписано было зачесть эти деньги въ слѣдовавшую на университетъ сумму (отношеніе министра къ Потоцкому отъ 24-го сентября за № 479). Изъ находящагося при дѣлѣ подлиннаго письма государственнаго казначея Голубцова Потоцкому, отъ 27-го сентября за № 2915, видно, что Каразинъ поспѣшилъ внести упомянутую сумму изъ своихъ собственныхъ денегъ; въ этомъ письмѣ прямо говорится о возвратѣ изъ суммъ Харьковскаго университета Каразину 9.525 р., выданныхъ имъ изъ собственныхъ денегъ мастеровымъ, отправленнымъ въ Харьковъ. Такова была окончательная судьба этого несчастнаго дѣла о художникахъ.

Въ Харьковѣ упомянутыя выше сношенія по дѣлу о художникахъ между министромъ и Новосильцевымъ, происходившія въ январѣ и февралѣ 1804 года, могли сдѣлаться извѣстными только вмѣстѣ съ пріѣздомъ Потоцкаго въ этотъ городъ. Первымъ его дѣломъ было учрежденіе комитета правленія изъ профессоровъ; къ этому комитету немедленно и перешла вся хозяйственная часть, и прежде всего, всѣ приготовленія къ открытію университета — отдѣлка домовъ, покупка мебели и т. д. Дѣла въ немъ должны были рѣшаться общимъ коллегіальнымъ порядкомъ и на законномъ основаніи. Комитетъ, получившій отъ попечителя особыя инструкціи о предметахъ и порядкѣ его занятій и состоявшій изъ профессоровъ Рижскаго (предсѣдателя), Тимковскаго, Осиповскаго, Делавиня и де-Баллю, открылъ свои засѣданія, какъ уже было сказано, 11-го апрѣля 1804 года. Попечитель оставался въ Харьковѣ весьма недолго, вѣроятно, до начала мая [1]),

[1]) Комитетъ правленія, постоянно рапортовавшій о своихъ занятіяхъ попе-

и въ это время онъ, повидимому, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній о томъ оборотѣ, какой принимало въ Петербургѣ дѣло Каразина о художникахъ. Извѣстно, что онъ назначилъ его членомъ комитета съ совѣщательнымъ голосомъ и допустилъ его участіе въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ особенно по приготовленію университета къ открытію. Въ наставленіи комитету его положеніе опредѣлено слѣдующимъ образомъ: „Какъ господину коллежскому совѣтнику и кавалеру Каразину, яко правителю дѣлъ главнаго училищъ правленія, наиболѣе должно быть извѣстно все, что̀ доселѣ происходило относительно здѣшняго университета, къ пользамъ коего онъ толико содѣйствовалъ, то я прошу его способствовать комитету по его дѣламъ и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ можетъ давать ему свои замѣчанія о происходившемъ прежде, или сообщать свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее время“. Въ своемъ отношеніи въ комитетъ, отъ 19-го апрѣля 1804 года (въ этотъ день подписано Потоцкимъ объясненіе министру по дѣлу о художникахъ), графъ пишетъ: „Присланныхъ сюда изъ С.-Петербурга разнаго рода ремесленниковъ поручилъ я въ непосредственное наблюденіе г. коллежскому совѣтнику Каразину, который съ ними заключилъ условія, предоставляя впрочемъ комитету взыскивать, чтобъ они исполняли договоренныя отъ него работы безъ замедленія. По разстроенному ихъ положенію, комитетъ имѣетъ выдавать изъ договоренной платы за каждую вещь двѣ трети, оставляя третью долю на счетъ полученныхъ ими прежде по условіямъ денегъ“. Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что попечитель вовсе не предполагалъ столь рѣшительнаго вліянія дѣла о художникахъ на отношенія Каразина къ университету, и можетъ-быть, надѣялся еще уладить дѣло въ Петербургѣ.

Какъ бы то ни было, Каразинъ, пользуясь офиціально опредѣленнымъ положеніемъ своимъ въ комитетѣ, тотчасъ началъ принимать весьма живое участіе въ его хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и преимущественно въ отношеніяхъ къ ремесленникамъ. Въ первомъ своемъ рапортѣ въ Петербургъ, по отъѣздѣ попечителя, комитетъ доноситъ, что члены его слѣдующимъ образомъ распредѣлили между собою всѣ работы по приготовленію къ открытію университета, а также и училищъ округа: Рижскій взялъ на себя заботы о перестройкахъ въ обоихъ университетскихъ домахъ, Тимковскій — соображенія всего,

---

чителю (первый рапортъ его былъ отъ 17-го апрѣля), такъ начинаетъ свой второй рапортъ отъ 17-го мая: «Со времени отбытія вашего сіятельства изъ Харькова, занятія комитета состояли въ слѣдующемъ»...

что̀ нужно къ открытію училищъ; Осиповскій, при помощи Рижскаго, — особенное смотрѣніе за казной и все, относящееся до устройства студентскаго института, а также разсмотрѣніе и снабженіе нужными вещами архитектурнаго, рисовальнаго и гравировальнаго классовъ; Делавинь — попеченіе по части ботанической; де-Баллю — приведеніе университетской библіотеки въ то состояніе, въ какомъ она должна находиться при открытіи университета; наконецъ Каразину, вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19-го апрѣля и *согласно его вызову*, предоставлено дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ другимъ художникамъ, разной мебели и проч., при чемъ ему вмѣнено въ обязанность доносить комитету о цѣнахъ и условіяхъ заказываемыхъ работъ.

Совсѣмъ другимъ языкомъ заговорилъ попечитель по прибытіи въ Петербургъ, узнавъ, безъ сомнѣнія, въ точности о плохомъ состояніи дѣла о художникахъ и вообще о безнадежномъ положеніи Каразина. Спустя недѣли двѣ по пріѣздѣ, отъ 4-го іюня (№ 12), онъ отправляетъ въ комитетъ весьма строгую бумагу, въ которой рѣшительно не соглашается на завѣдываніе Каразинымъ (порученными по его же предложенію) работами: „Порученіе, сдѣланное комитетомъ г. Каразину относительно художниковъ", пишетъ попечитель, „*которые столько надѣлали и дѣлаютъ шуму*, и *которыхъ дѣло, еще не извѣстно мнѣ, какія будетъ имѣть послѣдствія*, не могу признать я за нужное". Въ этой же бумагѣ онъ дѣлаетъ строгое замѣчаніе комитету и по другому интересному обстоятельству. Комитетъ, въ рапортѣ своемъ отъ 17-го мая, доноситъ попечителю о слѣдующемъ распоряженіи, касавшемся открытія университета: „Чтобы молодые люди заранѣе извѣстны были о предположеніи имѣющаго въ непродолжительномъ времени послѣдовать открытія университета, комитетъ отнесся къ здѣшнимъ г. губернатору и дворянскому предводителю, дабы они благоволили — первый поручить городничимъ и капитанамъ-исправникамъ, а второй уѣзднымъ предводителямъ дворянства извѣстить о семъ всѣхъ, до кого слѣдовать будетъ въ Слободско-Украинской губерніи. Что же касается до прочихъ Харьковскаго округа губерній, то коллежскій совѣтникъ В. Н. Каразинъ принялъ на себя сдѣлать въ той же силѣ отношенія отъ своего имени къ тамошнимъ гг. губернаторамъ". Въ отвѣтъ на это, попечитель въ той же бумагѣ отъ 4-го іюня пишетъ: „Тѣмъ менѣе могу одобрить, что комитетъ предоставилъ г. Каразину право писать къ губернаторамъ объ открытіи университета и приглашеніи въ оный молодыхъ людей *отъ своего имени*. Таковыя

объявленія надлежитъ дѣлать не отъ частнаго лица, но единственно отъ комитета, въ которомъ господинъ Каразинъ сдѣланъ мною какъ le membre consultant, для доставленія комитету свѣдѣній о томъ, что̀ сдѣлано во время моего отсутствія по части университетскихъ дѣлъ въ главномъ правленіи училищъ“ [1]). Комитетъ, въ рапортѣ своемъ отъ 21-го іюня 1804 года (пунктъ 4-й) оправдываетъ послѣдне свое распоряженіе тѣмъ, что „предоставляя г. Каразину писать къ губернаторамъ объ открытіи университета и приглашеніи въ оный молодыхъ людей, онъ почиталъ, что существованіе его (то-есть, комитета) гг. губернаторамъ неизвѣстно, а потому и отношенія его къ нимъ могли бы не имѣть своего дѣйствія, для предупрежденія чего и разсудилъ поручить сіе г. Каразину, извѣстному званіемъ правителя главнаго училищъ правленія“.

Итакъ, и другое хозяйственное распоряженіе Каразина, по найму художниковъ, стоило университету 9.525 руб., выплаченныхъ изъ штатной суммы, назначенной на нужды университета, а съ присоединеніемъ сюда всѣхъ уплатъ, произведенныхъ изъ текущихъ суммъ на художниковъ по мѣрѣ ихъ прибытія въ Харьковъ и первоначальнаго обзаведенія, общая сумма расходовъ, безъ сомнѣнія, далеко превышала произведенную Каразину уплату, такъ что оба дѣла, по покупкѣ эстамповъ и по найму художниковъ, вѣроятно, стоили университету не менѣе 20 тысячъ, истраченныхъ почти непроизводительно. Легко себѣ представить, какою тяжестью легла эта растрата на только что возникавшій, устраивавшійся и во всемъ нуждавшійся университетъ, и въ дѣлахъ завѣдывавшаго тогда хозяйственною частію комитета правленія находится немало указаній на господствовавшее въ немъ сильное неудовольствіе этими распоряженіями Каразина, особенно по дѣлу о мастеровыхъ. Комитетъ не зналъ, что̀ дѣлать съ большею ихъ частію, а между тѣмъ постоянно долженъ былъ оплачивать ихъ, вести счеты и вообще переносить множество хлопотъ и непріятностей. А какая была запутанность въ счетахъ по этому дѣлу, видно изъ слѣдующаго пункта рапорта комитета Потоцкому отъ 18-го іюня 1804 г.: „Не находя между своими дѣлами подлинныхъ и подробныхъ свѣдѣній, на какомъ положеніи они (ремесленники) приняты и состоятъ,

---

[1]) Ссылка попечителя на прежнее свое распоряженіе о назначеніи Каразина въ комитетъ не совсѣмъ вѣрна. Читатель припомнитъ, что онъ въ наставленіи комитету, кромѣ сказаннаго здѣсь, предоставилъ Каразину право «сообщать свои мысли о мѣрахъ касательно распоряженій на будущее время», при чемъ самъ тогда же предоставилъ ему дѣло съ ремесленниками.

кромѣ краткихъ о семъ извѣщеній въ письмахъ г. коллежскаго совѣтника и кавалера Каразина къ находившемуся при университетѣ по экономическимъ дѣламъ коллежскому совѣтнику Шишкину, (комитетѣ) проситъ вашего уcіятельства о доставленіи подлинныхъ, или въ копіяхъ, засвидѣтельствованныхъ условій, сдѣланныхъ съ тѣми мастеровыми, и точныхъ свѣдѣній о выдачахъ, имъ произведенныхъ г. Каразинымъ, дабы имѣть тѣмъ на всегда надлежащее основаніе въ разчетахъ съ ними". Съ тою же безпорядочностью расходовалъ Каразинъ деньги на рабочихъ и послѣ, когда онъ завѣдывалъ ими, какъ членъ комитета. По отъѣздѣ его въ сентябрѣ 1804 года въ С.-Петербургъ, комитетъ, отъ 31-го декабря, доноситъ попечителю: „Такъ какъ Каразинъ взялся стараться о разныхъ заказываемыхъ мастеровымъ работахъ и получалъ для нужныхъ задатковъ въ разныя времена суммы, то не благоугодно ли будетъ, чтобы г. Каразинъ выслалъ изъ С.-Петербурга *достаточный разчетъ* во всѣхъ оныхъ суммахъ, безъ чего происходитъ затрудненіе въ непосредственныхъ разчетахъ съ мастеровыми за поставляемыя работы". На эту просьбу попечитель отвѣчалъ 21-го ноября того же года, что „таковой отчетъ неминуемо представитъ Каразинъ въ комитетъ по прибытіи въ Харьковъ, что̀ воспослѣдуетъ въ весьма скоромъ времени". Въ томъ же рапортѣ комитетъ проситъ попечителя оградить по крайней мѣрѣ сумму пожертвованій въ пользу университета отъ расплаты за художниковъ и отнести эту расплату на штатную сумму. „Если заплату оныхъ сдѣлать изъ патріотическихъ приношеній Слободско-Украинской губерніи дворянства и гражданъ, то они, извѣстясь о таковомъ употребленіи взнесенныхъ ими денегъ, могутъ почесть приношенія ихъ обращенными на дѣло, ими не предполагаемое". Комитетъ старается отклонить отъ себя и завѣдываніе мастеровыми, какъ людьми, для университета совершенно ненужными: „Поелику они потому единственно принадлежатъ университету",— пишетъ комитетъ,—„что должны ему выданными имъ суммами, комитетъ изъ сего самаго заключаетъ, что его право надъ ними ограничивается токмо взысканіемъ съ нихъ помянутаго казеннаго долга". 21-го ноября попечитель предложилъ комитету „передать ремесленниковъ помѣщикамъ для заведенія фабрикъ", и комитетъ въ рапортѣ, отъ 12-го декабря, доноситъ попечителю о состоявшемся рѣшеніи—предложить Харьковскимъ дворянамъ на съѣздѣ, въ январѣ 1805 года, не возьмутъ ли они къ себѣ университетскихъ художниковъ. Но видно, не удался и разчетъ на дворянъ. На прошеніе одного художника отпустить его въ Москву, откуда

онъ обѣщалъ выплачивать свой долгъ, правленіе, 24-го іюня 1805 г., отвѣчало, что всѣ мастеровые отданы въ вѣдѣніе городской полиціи, и что университету нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это прискорбное дѣло о художникахъ, въ связи съ другими, имѣло рѣшительное вліяніе не только на отношенія Каразина къ Харьковскому университету, но и на всю его служебную карьеру. Непосредственное участіе его въ университетскихъ дѣлахъ должно было прекратиться въ силу приведеннаго нами высочайшаго указа отъ 18-го іюня 1804 года, которымъ воспрещалось ему входить впредь во всякія распоряженія, принадлежащія правленію университета. Такимъ образомъ, еще за семь мѣсяцевъ до открытія университета, Каразинъ высочайшею волею былъ окончательно отрѣшенъ отъ дѣла по его устройству. Тяжело было ему это отстраненіе отъ университета, учрежденіе котораго именно въ Харьковѣ было имъ задумано и приводимо въ исполненіе съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ. Мы желали бы и на это дѣло смотрѣть съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣли на дѣло объ эстампахъ, желали бы видѣть въ немъ главнымъ образомъ выраженіе пылкости характера, наклонности къ непрерывнымъ увлеченіямъ, крайней непрактичности, и вслѣдствіе того, рѣшительной неспособности къ правильному, точному и отчетливому веденію сложнаго дѣла, особенно соединеннаго съ денежными разчетами и отчетностію по нимъ. Задавшись мыслію, и вѣроятно, уполномоченный попечителемъ пріискать мастеровыхъ для первоначальнаго устройства университета, Каразинъ тотчасъ расширилъ размѣры этой мысли до мечты удовлетворить потребностямъ не только Харькова, но и цѣлой Украйны, водворить разомъ всевозможныя ремесла и художества во всемъ своемъ родномъ краѣ, что̀ видно и изъ собственныхъ его выраженій въ письмахъ къ Шишкину, и изъ рапортовъ комитета правленія, и изъ самаго подбора мастеровыхъ. Увлеченный фантазіей, онъ упустилъ изъ виду и первоначальную цѣль, и средства университета, и собственную отвѣтственность, а въ самомъ выполненіи этой фантазіи онъ, по обычаю своему, дѣйствовалъ съ прежнею безразчетностію, непрактичностію и патріархальнымъ, отношеніемъ къ дѣлу не разбирая ни достоинства рабочихъ, ни источниковъ для покрытія расходовъ, обращаясь для того къ первымъ, попавшимся подъ руку деньгамъ [1]). Такой образъ дѣйствій можетъ объясняться

[1]) Такъ, онъ на первый разъ занялъ у попечителя, предъ отъѣздомъ его за границу, тысячу рублей, которые комитетъ долженъ былъ выслать ему изъ Харькова. См. рапортъ комитета отъ 18-го іюля 1804 года, пунктъ 3-й.

и тѣмъ, что Каразинъ, съ отъѣздомъ попечителя за границу, распоряжался безъ всякаго надъ собою контроля, будучи предоставленъ исключительно самому себѣ. Къ счастію Каразина и университета, начальство, смѣнивъ Потоцкаго въ наблюденіи за ходомъ дѣлъ по Харьковскому округу, скоро замѣтило фантастическіе размѣры хозяйственныхъ распоряженій Каразина и поспѣшило прекратить его дѣятельность; однакожь и кратковременная дѣятельность его стоила университету, какъ мы видѣли, *болѣе одиннадцати тысячъ* по одному дѣлу о художникахъ[1]). Кто скажетъ, до чего довело бы университетъ дальнѣйшее развитіе его хозяйственныхъ распоряженій! Прискорбное дѣло о художникахъ имѣло, какъ уже замѣчено нами, рѣшительное вліяніе на всю послѣдующую служебную карьеру Каразина, такъ блистательно имъ начатую. Извѣстно, что онъ, какъ сказано въ его формулярѣ, „отставленъ, съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника, 27-го августа 1804 года", то-есть, два съ небольшимъ мѣсяца послѣ извѣстнаго доклада государю отъ 18-го іюня [1]). Въ сентябрѣ онъ поскакалъ изъ Харькова въ Петербургъ (рапортъ комитета отъ 20-го сентября 1804 года), но уже не могъ поправить дѣла.

Всѣ эти отношенія Каразина къ Харьковскому университету, имѣвшія такія послѣдствія, очевидно, не были извѣстны ни его пріятелю Анастасевичу, составившему о немъ небольшую записку, но позднѣйшему его біографу, Г. П. Данилевскому, вовсе не заглянувшему, для изслѣдованія упомянутаго обстоятельства, въ столь близко находившійся отъ него университетскій архивъ. Первый, какъ извѣстно, связалъ паденіе Каразина съ предполагавшеюся его женитьбою на Надаржинской, присовокупивъ къ этому увозъ въ Харьковъ, безъ дозволенія начальства, изъ пажескаго корпуса ея родственника, и недоброжелательство Завадовскаго, о которомъ Каразинъ будто бы отзывался, что онъ только возитъ государю для доклада бумаги, имъ, то-есть, Каразинымъ, обработанныя. Анастасевичъ лишь вскользь, и то невѣрно, упоминаетъ о вліяніи на паденіе Каразина распоряженій его

---

[1]) Въ высочайшемъ докладѣ министра Завадовскаго отъ 18-го іюня 1804 г. сумма расходовъ по дѣлу о художникахъ опредѣлена въ 11.525 руб. «сверхъ суммы, опредѣленной въ штатѣ», а въ формулярѣ Каразина сказано, что онъ «доставилъ въ Харьковъ тридцать два семейства иностранныхъ мастеровъ на собственномъ иждивеніи, хотя въ послѣдствіи, по особенной высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма, *12.200 руб.* была ему возвращена въ 1803 году». Согласно съ этимъ и въ рукописной исторіи Харьковскаго университета сумма всѣхъ расходовъ опредѣлена свыше 12-и тысячъ.

[2]) Украинская старина, 109.

по устройству Харьковскаго университета. „Когда графъ С. О. Потоцкій", сказано въ запискѣ Анастасевича, „получа отпускъ за границу, оставилъ Василію Назарьевичу нѣкоторыя суммы въ распоряженіе, съ тѣмъ чтобы объ ихъ употребленіи относился къ нему, графу Потоцкому, то Василій Назарьевичъ нѣкоторыми распорядился самъ на выдачу нѣкоторымъ профессорамъ и тому подобныя издержки, чѣмъ навлекъ себѣ неудовольствіе отъ графа Потоцкаго, и тѣмъ болѣе уже не благоволившаго къ нему по вышеупомянутымъ наговорамъ (?) министра графа Завадовскаго; а потому дѣло Надаржинской и увозъ ея родственника, кадета, могло представлено быть государю въ гораздо худшемъ видѣ, нежели какъ оно было въ самой сущности" [1])

Послѣ предложенныхъ выше свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ официальныхъ документовъ, можно, кажется, сдѣлать обратное заключеніе, то-есть, что безпорядочныя распоряженія Каразина по устройству Харьковскаго университета были главною и непосредственною причиною паденія его, на которое, между прочимъ, могли имѣть вліяніе и другія причины, въ родѣ приводимыхъ Анастасевичемъ. Между этими другими причинами едва-ли не наибольшая заключалась въ немъ самомъ, въ его заносчивости и самонадѣянности, а также въ недостаточномъ знаніи жизни и людей — качествахъ, дѣлавшихъ невыносимымъ его значеніе при Дворѣ и его вліяніе на ходъ тогдашней высшей администраціи. При отсутствіи этихъ чертъ характера, а слѣдовательно, при болѣе благонадежной постановкѣ при Дворѣ, промахи въ распоряженіяхъ по Харьковскому университету легко могли и не обратить на себя столь строгаго вниманія и не повлечь за собою столь рѣшительныхъ мѣръ. Г. Данилевскій, сказавъ, что Каразинъ самъ своею заносчивостью испортилъ свою дорогу, не берется ни защищать его, ни особенно строго судить его по недостатку данныхъ, предоставляя пополнить этотъ пробѣлъ другимъ; при этомъ онъ замѣчаетъ, что при его заносчивости и незнаніи почвы, на которой онъ стоялъ, „*самой небольшой интриги враговъ* его достаточно было, чтобы смять его и выставить передъ довѣрчивымъ къ нему государемъ въ самомъ черномъ видѣ" [2]). Мы видѣли, что непосредственною причиной удаленія Каразина отъ двора и службы вовсе не была одна интрига.

Такъ прискорбно окончились непосредственныя и дѣятельныя отношенія В. Н. Каразина къ Харьковскому университету.

---

[1]) *Чтенія въ Общ. исторіи и древн. росс.* 1861, III; Смѣсь, 195.

[2]) Украинская старина, 111.

Возвратившись изъ Петербурга, онъ съ 1805 года поселился навсегда въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи Кручикѣ (Богодуховскаго уѣзда Харьковской губерніи) и посвятилъ себя главнымъ образомъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, въ связи съ занятіями естественными науками, для чего старался пріобрѣсти прежде всего болѣе полезныя познанія о своемъ родномъ краѣ. Въ слѣдующемъ году онъ уже представляетъ въ совѣтъ *Московскаго университета* свое „Описаніе снаряда для гонки вина“, предлагающее новый способъ винокуренія съ большимъ сбереженіемъ дровъ; въ 1807 году говоритъ рѣчь въ обществѣ испытателей природы. Далѣе мы видимъ его изыскивающимъ средства облегчить добываніе селитры, производящимъ метеорологическія наблюденія, основывающимъ филотехническое общество и главнымъ дѣятелемъ въ немъ и т. д. Вся эта дѣятельность В. Н. Каразина до смерти (4-го ноября 1842 г.) выходитъ за предѣлы нашего очерка, да она и далеко не представляетъ того интереса, какимъ отличается его дѣятельность въ первые три года царствованія императора Александра. Извѣстностью своею онъ обязанъ именно этимъ тремъ годамъ; и не будь ихъ, имя его, какъ мѣстнаго, хотя и полезнаго, дѣятеля, едва-ли осталось бы извѣстнымъ русскому обществу.

Мы представили изложеніе трудовъ В. Н. Каразина по устройству одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ; желательно было бы обстоятельное изложеніе его занятій по коммиссіи училищъ и главному правленію училищъ. Такой очеркъ, вмѣстѣ съ предлагаемымъ, можетъ-быть, достаточно уяснитъ нравственный характеръ этой во всякомъ случаѣ замѣчательной личности. Только тогда не трудно было бы оцѣнить по достоинству извѣстный отзывъ о Каразинѣ Державина [1]), назвавшаго его „человѣкомъ умнымъ, расторопнымъ, хотя впрочемъ не весьма завидной честности“; тогда, можетъ-быть, стали бы для насъ понятны и нѣкоторыя показанія въ запискѣ Анастасевича. Подобный очеркъ долженъ въ свою очередь пролить много свѣта и на сохранившіяся разнообразныя мѣстныя преданія, которыхъ безъ того, при ихъ разрозненности и разнорѣчивости, нельзя ни отрицать, ни утверждать голословно. Повторимъ здѣсь, что обнародованіе хранящихся до сихъ поръ подъ спудомъ, неизвѣстно почему, записокъ и писемъ Каразина и записокъ его сына, а также обнародованіе мѣстныхъ преданій людьми, хорошо знавшими

---

[1]) Записки Державина, 451.

его, представило бы важнѣйшій матеріалъ для оцѣнки характера этого замѣчательнаго общественнаго дѣятеля въ одну изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ эпохъ нашей исторіи. Времени прошло довольно, чтобы прервать, наконецъ, продолжившееся до сихъ поръ упорное молчаніе. Дѣти не отвѣчаютъ нравственно за недостатки своихъ отцовъ-если бы они и были, да и самые недостатки не умалятъ общепризнанныхъ заслугъ, а только освѣтятъ ихъ истиннымъ свѣтомъ. Въ заключеніе скажемъ, что въ засѣданіи совѣта, 10-го іюня 1805 года, послѣ окончанія дѣла объ эстампахъ, профессоръ Баленъ-де-Баллю предложилъ избрать Каразина въ почетные члены университета, но ректоръ отклонилъ это предложеніе, признавъ его неблаговременнымъ, съ чѣмъ согласились всѣ присутствовавшіе. Онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ только въ 1811 году (въ засѣданіи 30-го августа, вмѣстѣ съ Шторхомъ, Фуссомъ, Озерецковскимъ, Рихтеромъ, Мартыновымъ, Шпренгелемъ и академикомъ Шереромъ). Совѣтъ такъ мотивировалъ избраніе Каразина: „Ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est; quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta“. Изъ послѣдующихъ немногихъ обращеній Каразина къ университету можно заключить о неблапріятномъ отношеніи къ нему совѣта. Такъ, въ декабрѣ 1805 года онъ чрезъ попечителя предложилъ напечатать переведенныя на русскій языкъ слѣдующія книги: „Дѣтская нравственность, принадлежащая до всеобщей энциклопедіи“, соч. г. Кампе; „Обхожденіе съ людьми“, соч. барона Книгге въ 3 частяхъ; „Теорія изящныхъ наукъ“ Эшенбурга и „Полная діэтетика“, соч. Виллиха. Совѣтъ, по разсмотрѣніи этихъ переводовъ, только въ засѣданіи 19-го сентября 1806 года, призналъ полезнымъ напечатаніе на университетскій счетъ одного перевода теоріи Эшенбурга; въ напечатаніи жь остальныхъ отказалъ, такъ какъ сочиненіе Кампе было переведено и напечатано прежде, а сочиненія Книгге и Виллиха переведены неудовлетворительно; притомъ, по разчету Осиповскаго, печатаніе сочиненія Книгге, *вмѣстѣ съ платою за переводъ*, обошлось бы очень дорого, именно въ 2.256 руб., такъ что каждый экземпляръ въ продажѣ стоилъ бы 2 руб. 82 коп. Только въ засѣданіи 17-го мая 1807 года послѣдовало окончательное рѣшеніе совѣта о возвращеніи не принятыхъ для напечатанія трехъ рукописей, при чемъ правленіе объяснило совѣту, какимъ образомъ университетъ, согласно съ прошеніемъ Каразина, можетъ уплатить часть взыскиваемой съ него городскою думою суммы, то-есть,

двухъ тысячъ руб. („qua occasione Directorium explicavit etiam senatui, qua ratione ab universitate ad petitionem ejusdem D—ni Carazin e parte aliqua satisfiet fisco hujus civitatis, cui debet ille duo millia rublorum; id quod in litteris Directorii supramemorati luculenter explicatum est“). Часть эта, какъ значится въ отношеніи правленія совѣту (№ 393), поступавшая въ уплату городской думѣ, состояла изъ 500 руб., представленныхъ Каразинымъ, и 180 руб., слѣдовавшихъ въ уплату за переводъ „Теоріи изящныхъ наукъ“ Эшенбурга [1]). Въ 1806 году Каразинъ задумалъ издавать журналъ *Собесѣдникъ изъ Украйны* и въ апрѣлѣ обратился къ попечителю съ просьбой о передачѣ ему изъ университетской типографіи одного печатнаго стана за 50 руб. въ годъ, на три года. Попечитель охотно согласился на эту передачу, замѣтивъ, что „оный журналъ будетъ здѣсь первое произведеніе въ семъ родѣ“. Затѣмъ прекращаются и этого рода обращенія Каразина къ университету, хотя онъ до конца жизни своей сохранилъ къ нему самое живое и горячее сочувствіе.

Между тѣмъ Харьковскій университетъ, со времени учрежденія комитета правленія, дѣятельно приготовлялся къ открытію: исправлялись и приспособлялись къ новой цѣли зданія, снабжались необходимою мебелью, устроивался ботаническій садъ, закупались книги и необходимыя учебныя пособія, собирались студенты, собирались и профессора.

Перестройка и передѣлка двухъ, уступленныхъ для университета по высочайшему повелѣнію, домовъ, большаго двуэтажнаго съ двумя боковыми флигелями, губернаторскаго, и малаго, также съ двумя флигелями, вице-губернаторскаго, окончены были въ октябрѣ 1804 года и стоили 11.682 р. 75 коп. Но это первоначальное помѣщеніе университета, со всѣми его отдѣльными учрежденіями, оказалось совершенно недостаточнымъ, а потому было рѣшено тогда же пріобрѣсти, по соглашенію съ губернаторомъ, большой участокъ земли за горо-

---

[1]) Еще въ іюнѣ 1803 года комитетъ правленія доносилъ попечителю о пожертвованіи Каразинымъ въ пользу университета нѣкоторыхъ книгъ и медалей, при чемъ особенно обращалось вниманіе на рукопись о Мунгалахъ и народахъ сего поколѣнія, кочующихъ въ Россіи (5 томовъ in 4° на нѣмецкомъ языкѣ), написанную кандидатомъ богословія Бекманомъ, который, для собранія свѣдѣній объ этихъ народахъ, два года прожилъ среди нихъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ. Комитетъ опредѣлилъ объявить признательность Каразину и разсмотрѣть сочиненіе о Мунгалахъ, не заслуживаетъ ли оно перевода на русскій языкъ (рапортъ комитета 12-го іюля 1803). Въ послѣдствіи нигдѣ не упоминается объ этомъ сочиненіи.

домъ, на сѣверной его сторонѣ, по дорогѣ въ Сумы, принадлежавшій войсковымъ обывателямъ и нѣкоторымъ помѣщикамъ, между прочими князю Кантемиру, имѣніе котораго, по болѣзненному его состоянію, находилось въ опекѣ. Помѣщики и войсковые обыватели принесли въ даръ университету всю землю на этомъ участкѣ, находившуюся подъ пашней, а принадлежавшія имъ усадьбы уступили за весьма сходную цѣну. Пріобрѣтеніе этого участка, принадлежащаго и теперь университету (часть его уступлена подъ ветеринарное училище въ 1854 г.) стоило 5.965 руб. Этимъ участкомъ особенно дорожилъ попечитель, намѣревавшійся устроить на немъ въ большихъ размѣрахъ ботаническій садъ. Комитетъ немедленно озаботился также заготовленіемъ кирпича и другихъ строительныхъ матеріаловъ для постройки будущихъ университетскихъ зданій.

Тогда же весьма дѣятельно начались работы по устройству ботаническаго сада. Для него первоначально отдѣлена была часть двора при большомъ университетскомъ домѣ, а для сохраненія пріобрѣтенныхъ растеній зимою, стоявшая въ углу двора ротонда была обращена въ оранжерею. Кромѣ того, съ двухъ сторонъ большаго университетскаго дома, на валѣ, устроенъ былъ бульваръ съ двумя аллеями. Работы же по устройству большаго ботаническаго сада на вновь пріобрѣтенномъ участкѣ могли начаться только съ весны 1805 года, уже по открытіи университета. Еще въ началѣ февраля, по желанію попечителя, отправленъ былъ въ Судакъ къ Палласу, для пріобрѣтенія крымскихъ сѣмянъ и разныхъ растеній, адъюнктъ ботаники Каретниковъ, а садовникъ Цетлеръ (пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Вѣны въ сентябрѣ 1804 года) отправленъ въ Бѣлую Церковь, въ имѣніе графини Браницкой, для вывоза оттуда подаренныхъ ею университету деревьевъ и растеній. Вообще попечитель принималъ непрерывное и самое живое участіе въ устройствѣ университетскаго сада.

Необходимымъ слѣдствіемъ этой заботливости были большіе расходы, совершенно несоразмѣрные съ расходами по всѣмъ другимъ, едва-ли не болѣе существеннымъ университетскимъ учрежденіямъ, при чемъ нельзя не замѣтить что устройство верхняго англійскаго сада, предназначавшагося для общественнаго гулянья, не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ преподаванію ботаники въ университетѣ. Никто ничего не имѣетъ противъ садовъ этого рода, но устройство ихъ прежде всего принадлежитъ самому городу, для котораго они устраиваются; на университетъ же, и безъ того обремененный въ первое время множествомъ самыхъ разнообразныхъ и настоятельныхъ потребностей,

пали весьма большіе и почти совсѣмъ непроизводительные расходы, благодаря особой наклонности попечителя къ садоводству. Невольно при этомъ приходятъ на память интересныя дѣла объ эстампахъ и художникахъ. Извѣстно, что графъ Потоцкій, предъ нашествіемъ Наполеона, еще въ началѣ 1811 года, уѣхалъ въ Варшаву и явился въ Петербургъ и снова вступилъ въ должность попечителя только въ мартѣ 1816 года, послѣ Вѣнскаго конгресса. Въ томъ же 1811 году, по поводу новыхъ расходовъ на ботаническій садъ, новый министръ народнаго просвѣщенія, А. К. Разумовскій далъ слѣдующій рѣшительный отвѣтъ (отъ 30-го октября, № 3554), которому нельзя не сочувствовать вполнѣ: „Сады при университетахъ учреждаются не съ тѣмъ, чтобъ они служили для прогулки стороннихъ посѣтителей, но съ тѣмъ, чтобъ имѣть въ нихъ растенія для показанія студентамъ при наставленіи ихъ въ ботаникѣ, и потому одни только ботаническіе сады могутъ приносить для университетовъ существенную пользу. Не отвѣтствуя за распоряженія, до вступленія моего въ настоящее званіе сдѣланныя для заведенія и содержанія англійскаго при Харьковскомъ университетѣ сада, стоющаго оному непомѣрныхъ суммъ, предлагаю правленію прекратить на него всѣ издержки, а вмѣсто того пещись болѣе объ устройствѣ ботаническаго сада, употребляя на оный сумму, по штату положенную, кромѣ жалованья, производимаго садовнику“.

Въ то же время выписывались книги для будущей библіотеки университета, и въ этомъ дѣлѣ принималъ живое участіе Каразинъ. Получаемыя книги сначала находились въ завѣдываніи университетскаго кассира Дзюбина, а потомъ назначеннаго въ должность библіотекаря и долгое время состоявшаго въ ней профессора де-Баллю. Первоначально, какъ видно, въ этомъ дѣлѣ такъ же мало было порядка, какъ и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по университету до учрежденія комитета правленія: книги получались безъ реестровъ и вовсе не записывались, а потому де-Баллю, для приведенія въ извѣстность всѣхъ полученныхъ книгъ, немедленно приступилъ къ ихъ разбору, записыванію въ каталогъ и отдачѣ въ переплетъ. Для послѣдней работы пригодился одинъ изъ нанятыхъ Каразинымъ въ Петербургѣ художниковъ, переплетчикъ Ведде, которому, кромѣ переплета книгъ для университета, было вмѣнено въ обязанность выучить въ теченіе пяти лѣтъ своему мастерству даннаго ему отъ университета изъ казенныхъ питомцевъ ученика. Всѣхъ книгъ въ 1804 году получено изъ Петербурга 3.219, а въ слѣдующемъ году 2.579, изъ которыхъ 1.460 вы-

сланы самимъ попечителемъ. Въ началѣ 1805 года былъ заключенъ съ Петербургскимъ книгопродавцемъ Цимсеномъ контрактъ для снабженія университета книгами и учебными пособіями. Хотя выписка книгъ въ этомъ году чрезъ Цимсена не состоялась, по причинѣ невысылки имъ условленныхъ въ контрактѣ Лейпцигскихъ и Парижскихъ каталоговъ и реперторій, но за то имъ была заведена въ Харьковѣ, также согласно съ контрактомъ, небольшая книжная лавка, изъ которой взято въ университетъ въ 1805 году 435 книгъ; кромѣ того, также при посредствѣ университета, была открыта въ Харьковѣ другая книжная лавка Московскимъ книгопродавцемъ Глазуновымъ. При всемъ томъ въ первые годы существованія университета, средства библіотеки его, безъ сомнѣнія, были крайне недостаточны; но эту неизбѣжную бѣдность могли значительно дополнять сами профессора, являвшіеся въ Харьковъ съ большимъ запасомъ собственныхъ книгъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій.

Точно также начали обогащаться понемногу и всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія: кабинеты—физическій, которому, между прочимъ, была подарена Каразинымъ электрическая машина (имъ же подаренъ древній атласъ Птоломеевъ, состоящій изъ 40 картъ), минералогическій, получившій вдругъ въ 1805 году богатое собраніе, купленное попечителемъ въ Ганноверѣ за 8 тысячъ, химическая лабораторія, анатомическій театръ, для котораго не могли пріискать въ городѣ особаго помѣщенія и только въ 1806 году опредѣлено выстроить особый домъ въ ботаническомъ саду. Для первоначальнаго устройства типографіи вызванъ изъ Петербурга еще въ началѣ 1804 года иностранецъ Гекъ, привезшій съ собою четыре печатные стана и разныя типографскія принадлежности и немедленно занявшійся литьемъ русскихъ буквъ; за латинскимъ и греческимъ шрифтами обратились къ Лейпцигскимъ словолитчикамъ. Въ сентябрѣ того же года было уже готово особое помѣщеніе для типографіи, а 1-го апрѣля слѣдующаго года законтрактованы были въ Москвѣ наборщикъ и тередорщикъ, съ жалованьемъ по 330 руб., батырщикъ по 120 руб. въ годъ; при этомъ наборщику вмѣнено было въ обязанность обучить своему мастерству двоихъ, порученныхъ ему отъ университета, казенныхъ воспитанниковъ Харьковской гимназіи. Первая книга, напечатанная въ университетской типографіи и на счетъ университета была „Риторика“ перваго ректора Харьковскаго университета, И. С. Рижскаго. Въ томъ же году на собственный счетъ напечатали свои сочиненія: Рижскій — „Введеніе въ кругъ словесности“ и профессоръ

Шумлянскій — „Мысли о способахъ противъ пожаровъ". Кромѣ того, попечителемъ было выражено желаніе снабдить университетскую типографію средствами для печатанія музыкальныхъ нотъ, вслѣдствіе чего былъ заключенъ контрактъ съ художникомъ Петерсономъ, которому тоже вмѣнено въ обязанность обучить своему мастерству двухъ-трехъ учениковъ.

Итакъ съ самаго первоначальнаго устроенія университета въ непривѣтливомъ и негостепріимномъ Харьковѣ стали мало по малу являться всевозможныя средства и орудія для распространенія образованія, и Харьковскій университетъ вскорѣ явился образовательнымъ центромъ для всей полуденной Россіи!

Н. Лавровскій.

